

СИМОН
СТРАНГЕР

ЛЕКСИКОН
СВЕТА
И ТЬМЫ

18+

ПЕРЕВОД ОЛЬГИ ДРОБОТ

МИО

Симон Странгер
Лексикон света и тьмы
Серия «Novel. Вечные ценности»
Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69261319

Симон Странгер. Лексикон света и тьмы: Манн, Иванов и Фербер;

Москва; 2023

ISBN 9785002140022

Аннотация

Норвегия, наши дни. Семья писателя собирается у бронзового «камня преткновения» перед домом их предка – Хирша Комиссара. Он по доносу попал в концентрационный лагерь и там погиб. В этом же городе, недалеко от камня, в тихом престижном районе стоит красивая вилла. В войну здесь была штаб-квартира того самого Хенри Риннана – тайного агента гестапо, повинного во многих злодеяниях. Но и для потомков Комиссара этот дом тоже не чужое место. Неужели такое возможно?

«Лексикон света и тьмы» – попытка реконструировать историю семьи в годы войны на основе подлинных свидетельств и архивных документов. Роман переведен более чем на 20 языков и награжден главной национальной премией Норвегии.

От автора

Дорогой Хирш, эта книга – попытка отсрочить вторую смерть, отодвинуть забвение. Да, я не знаю наверняка, через что тебе пришлось пройти, как в точности всё было, но я собрал твою историю по крупицам и сложил их вместе, чтобы мы живо представили то ушедшее время. Я не еврей, но в моих детях, твоих праправнуках, есть еврейская кровь. Твоя история – она и их история. Как мне, отцу, объяснять им ту ненависть к евреям?

После нашего разговора у камня преткновения я залез в архивы, книги и семейные альбомы, я объездил разные городки и деревни, где прежде никогда не бывал, я поговорил со множеством людей. Но самое главное, я раскопал историю одной виллы на окраине Тронхейма. Историю совершенно чудовищную и неправдоподобную, я бы в жизни не поверил, что такое бывает, но эта вилла причудливым образом соединила нашу семью и Хенри Оливера Риннана, молодого человека, ставшего лютейшим из самых лютых нацистов Норвегии.

Вилла на букву Б.

Бандова обитель.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

А	7
Б	23
В	46
Г	72
Д	84
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Симон Странгер

Лексикон света и тьмы

This translation has been published with the financial support of NORLA.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Leksikon om lys og mørke © Simon Stranger.

First published by H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard) AS, 2018

Published in agreement with Oslo Literary Agency.

The Russian language publication of the book was negotiated through Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Посвящается ТК

А

А как Арест.

А как Агентура.

А как Акция устрашения.

А как Абсолютно всё, потому что всё исчезнет и постепенно забудется. Мысли и чувства. Предметы быта и недвижимое имущество. Всё, что составляло рамку чьей-то жизни. Стул, на котором человек сидел, и кровать, в которой он спал, унесут в новый дом. Другие руки расставят на столе тарелки, другой человек пригубит вино или воду из бокала, прежде чем обернуться к собеседнику в глубине комнаты и продолжить разговор. Вещи с историей утратят роль воплощённой памяти и станут формой без начинки, как концертный рояль в глазах жука или оленя.

Этот день придёт. Последний день каждого из нас придёт, но мы не знаем, когда и как закончится наша жизнь. Я не ведаю, предстоит ли мне превратиться в старика с бледной дряблой кожей, которая висит на костях, как хлебная опара на половнике, и провести свои последние часы в больнице, задыхаясь от кашля, или в одночасье погибнуть в сорок пять или сорок шесть лет от несчастного случая.

Возможно, меня убьёт упавшая с крыши глыба обледеневшего снега, которую сдвинет с места вибрация, когда на верхнем этаже кто-то вздумает посверлить в ванной пол, или снег подтаёт из-за слишком тёплого воздуха с моря, медленно поползёт вниз, перевалится через край и пролетит мимо окон на всех этажах дома. Мимо спален, мимо гостиных... и шарахнет меня по темечку, когда я, наклонив голову, буду листать новости в телефоне. От удара мобильник вылетит у меня из руки и будет мерцать на тротуаре рядом с моим телом в полукруге набежавших перепуганных людей. Случайных прохожих, коим внезапно напомнили и показали то, что редко увидишь столь явственно: смерть всегда рядом, она внезапно вырывает человека из жизни посреди его обычных дел.

Еврейская традиция говорит, что человек умирает дважды. Первый раз – когда сердце перестаёт биться и синапсы вырубаются, как если бы во всём городе отключили электричество и пропал свет. А второй и окончательный – когда имя умершего произносят, пишут или вспоминают в последний раз, спустя пятьдесят, сто или четыреста лет после смерти. Только тогда человек исчезает из земной жизни бесповоротно. Этой идеей вдохновился немецкий художник Гюнтер Демниг, ему пришло в голову отливать латунные таблички, писать на них имена евреев, убитых нацистами в годы Второй мировой войны, и монтировать эти памятные знаки в тротуар у дома, где жила погибшая семья. Дем-

ниг назвал их *камнями преткновения*. Этот художественный объект предотвращает вторую смерть погибших – табличка в асфальте заставляет прохожих склонить голову и прочесть имя убитого, тем самым художник на десятилетия вперёд сохранил мёртвых в живых и одновременно, латунными шрамами на лице города, каждодневно напоминает нам о той чёрной странице в истории Европы. В разных европейских городах пока что установлено шестьдесят семь тысяч камней преткновения.

Один из них твой.

Один камень преткновения несёт на себе твоё имя, он вделан в тротуар у дома в норвежском городе Тронхейме, где ты жил.

Несколько лет назад мой сын, сидя на корточках перед табличкой в тротуаре, vareжкой смёл с неё остатки латунной крошки и сора и прочитал: «Здесь жил Хирш Комиссар».

Моему сыну на тот момент было десять лет, он один из твоих праправнуков. А твоей праправнучке, моей дочери, той весной было шесть... Она обняла меня за шею. Рикка, моя жена, присела рядом с сыном. Ещё в полукруге людей возле камня преткновения стояли моя тёща Грета и её муж Стейнар.

– Он мой дедушка, – сказала Грета, – а жил он в этом доме, на третьем этаже.

Она повернулась и показала на окна. Ты любил смотреть оттуда на улицу в те, другие времена, когда другие люди,

не мы, жили здесь с тобой. Дочка не расцепляла рук, обнимала меня за шею, а сын читал слова, высеченные на латуни:

здесь жил

ХИРШ КОМИССАР

родился в 1887 году

арестован 12.1.1942

Фалстад

убит 7.10.1942

Грета заговорила о внезапности вторжения, снова рассказала, как её отец утром 9 апреля 1940 года вдруг увидел в городе солдат в сапогах и серых шинелях; они маршировали по улицам, чеканя шаг. Рикка поднялась на ноги, чтобы включиться в разговор, и дочка встала с ней рядом. Только мы с сыном по-прежнему сидели около таблички. Он протёр варежкой нижнюю строчку и поднял на меня глаза.

– Пап, а почему его убили?

– Потому что он был еврей.

– Это да, но почему убили?

Я увидел, что Рикка бросила на него быстрый взгляд, она пыталась участвовать в двух разговорах сразу.

– Ну... Нацисты хотели убить любого, кто хоть чем-то отличался от них. А евреев они ненавидели.

Сын помолчал.

– А мы тоже еврейские люди? – спросил он. Взгляд его коричневых глаз был ясный и сосредоточенный.

Я несколько раз моргнул, пытаюсь выиграть время и при-

кинуть, что ему известно об истории нашей семьи. И что вообще знают мои дети о её еврейской части? Наверняка мы рассказывали им, что их прапрадедушка и бабушка с маминной стороны приехали в Норвегию из России сто с лишним лет назад. И точно говорили с ними о войне и о том, что их прадед Гершон бежал через границу, его они оба застали.

Рикка собралась было что-то сказать, но снова переключилась на разговор с Гретой. Я встретился глазами с сыном.

– Ты норвежец, – сказал я, почувствовал, что это прозвучало предательски, и поймал на себе взгляд Рикки. – В тебе есть и еврейская кровь, но мы не религиозные, – продолжил я и встал, надеясь, что выскажутся Рикка с Гретой, они-то лучше меня знают, что ответить, но их беседа давно перескочила на другое, повинуюсь только им понятной логике ассоциаций, и ушла уже далеко от прежней темы.

Почему его убили?

Вопрос сына преследовал меня месяцами, ответить на него было очень трудно, прошлое спрессовано, придавлено слоями мифов, забывчивость искажает всю картину. И тем не менее. Кое-что я нашёл в архивах, кое-что узнал из разговоров с разными членами семьи, и постепенно события прошлого обрели более ясные очертания.

Теперь я уже мог представить себе занесенный снегом Тронхейм.

Пар изо рта прохожих, бредущих мимо неказистых деревянных домишек.

Довольно быстро выяснилось, что начало конца твоей жизни наступило внезапно, утром самой заурядной среды, посреди твоих обычных дел.

12 января сорок второго года ты стоял за прилавком вашего с женой магазина модной одежды «Париж-Вена», посреди манекенов в шляпках, платьях и пальто. Ты только что встретил первую покупательницу и успел ей рассказать о новых поступлениях и скидках. Зазвонил телефон, так настойчиво, что ты положил сигарету в пепельницу и поднял трубку.

– Магазин «Париж-Вена», слушаю вас, – сказал ты заученно, как говорил тысячи раз до того.

– Гутен морген, – сказал мужчина на том конце провода. – Я говорю с Комиссаром?

– Да, верно, – ответил ты тоже на немецком, в первую секунду решив, что звонят из Гамбурга. Видимо, по поводу заказа на летние платья, возможно, опять проблемы с таможеней. Никому из тех, с кем ты обычно имел дело, голос не принадлежал, наверно, новый сотрудник.

– Хирш Комиссар, женатый на Марии Комиссар?

– Да... А с кем я говорю?

– Гестапо, служба безопасности.

– Да? Что такое?

Ты поднял глаза от бланка оптового заказа, заметил, что покупательница прислушивается, учуяв неладное, и отвернулся к стене. Кровь резко пульсирует в висках. Гестапо?

– Мы хотим поговорить кое о чем, – отвечает собеседник негромко.

– Да? – только и произносишь ты и замолкаешь в нерешительности. Но потом всё же открываешь рот, чтобы спросить, в чём, собственно, дело, однако не успеваешь.

– Будьте любезны к двум часам явиться на допрос в «Миссионерский отель», – говорит голос.

«Миссионерский отель»? Допрос? С какой стати им вызывать меня на допрос, думаешь ты, глядя в стену перед собой. Неужели из-за Давида, брата Марии, из-за его симпатий к коммунистам?

Из дверного косяка торчит гвоздь без шляпки. Ты представляешь к нему подушечку большого пальца, и надавливаешь, и закрываешь глаза.

– Алло? – произносит голос с нетерпеливым раздражением. – Вы здесь?

– Да, здесь, – отвечаешь ты, отнимаешь палец от железки и упираешься взглядом в белую точку, где из плоти выступила капля крови. Ты видишь, что покупательница у вешалки с платьями напряглась и застыла на месте, но снова начинает перебирать их, как только ты поворачиваешься к ней.

– Коллеги говорят, что я беру на себя слишком большой риск, – сообщает голос в трубке, потом щёлкает зажигалка, человек на том конце провода затягивается сигаретой и продолжает: – Что надо просто послать за вами машину и прямо сейчас доставить вас сюда, а то не ровён час вы сбежите,

прихватив сыновей, от евреев всего можно ожидать, – мужчина делает ударение на слове «евреи» и произносит тихо, почти доверительно: – Но я-то знаю, что супруга ваша, Мария Комиссар, лежит в больнице. Она, кажется, поскользнулась на льду?

– Да... Несколько дней назад она упала и сломала кость в бедре, – отвечаешь ты, не в силах вспомнить, как это называется по-немецки, вряд ли ты вообще знал такое слово. Но неважно, он и без того тебя понимает.

Угораздило её в такой гололёд пойти на каблуках, думаешь ты. Вот же вечная её беспечность, плюс неперменное желание выглядеть элегантно, плюс скверная манера никого не слушать. В ответ на любые попытки намекнуть ей, что надо бы вести себя поосторожнее, например перестать писать в газетах про политику или хотя бы не устраивать дома диспутов на эти темы, Мария только фыркает. Потом у неё мрачнеют глаза, и она всем своим видом даёт понять, что сама разберётся, как ей поступать.

Вот и разобралась, думаешь ты, по-прежнему стоя за прилавком с трубкой в руке, вон чем теперь дело кончилось. Покупательница улыбается тебе и выходит. Звякает дверной колокольчик.

– Да, перелом шейки бедра, – откликается человек без лица на том конце провода, подсказывая нужное тебе слово. – Короче, мы рассчитываем, что ни вы, ни ваши сыновья не сбежите, иначе нам придётся заняться ею.

Заняться ею. Ты медленно киваешь, хотя собеседник этого не увидит, и говоришь – да, мы не сбежим.

– Хорошо, господин Комиссар. Тогда приходите сюда к двум часам. Вы ведь знаете, куда идти?

– «Миссионерский отель». Я его знаю.

– Приходите. Прощайте.

И щелчок, он положил трубку. А ты стоишь за прилавком, мысли мечутся в голове, как стая испуганных птиц, сорвавшихся с дерева, потому что – делать-то теперь что? Смотришь на часы. До двух ещё несколько долгих часов. За это время точно сбежать можно, думаешь ты, и на секунду даже погружаешься в расчёты, как, сторбившись, проشمгнуть в подсобку, а оттуда незаметно выйти через склад. Раствориться в узких улочках и бежать, бежать сломя голову, не останавливаясь, не обращая внимания на кровавый вкус во рту, на взгляды прохожих, на ноги, измученные подъёмом в гору. Ты мог бы добежать до леса, скрыться в нём и добраться до Швеции, где преспокойно живёт ваша дочка, Лиллемур. План вполне реальный, думаешь ты, но тут же одёргиваешь себя. А как же Мария? И мальчики ваши, Гершон и Якоб? Я сбегу, займусь ими, думаешь ты, закрывая книгу заказов, потому что если Якоба ещё есть шанс предупредить через одного знакомого в университете, то Гершона уж точно никак. Он со студенческой компанией уехал в горы, на лыжах походить. И что же, он возвращается, а его у общежития караулят гестаповцы? И что они сделают с Марией?

Неужели слухи, которые с недавнего времени ходят в магазинах, синагоге и на застольях, правда? Якобы евреев высылают в лагерь за границей? Или всё же это рассказы, преувеличение, фантазии, как те чудовища, которыми в детстве была заселена для тебя темнота?

Ты звонишь продавщице на подмене и спрашиваешь, может ли она выйти на работу. Рассказываешь о вызове на допрос и выясняешь, сумеет ли она в крайнем случае подменить тебя на несколько дней. Затем звонишь Якобу, рассказываешь, что происходит, и просишь его связаться с Гершоном. Якоб начинает заикаться, с ним такое бывает от волнения, и ты пытаешься его успокоить, мол, ничего страшного, всё будет хорошо, к Марии в больницу ты сам успеешь забежать по дороге. И кладёшь трубку. Почти сразу появляется вызванная тобой продавщица, у неё на лице скорбь, почти страдание, теперь ты успокаиваешь и её тоже, говоря, что ничего страшного не происходит. Наконец ты надеваешь пальто, прощаешься и уходишь, тебе ещё надо в больницу.

О чём они хотят поговорить? Возможно, какая-то глупая кляуза, провинность, за которую не сажают, думаешь ты, поднимаясь в горку. Ступаешь, выбирая присыпанные песком места, цепко держишься за перила, чтобы не поскользнуться на ледяных, похожих на осклизлых медуз наростах на каменных ступенях.

Возможно, что и не страшно вовсе. Ну что такого ты мог сделать? Ничего. Вероятно, канцелярская формальность,

скорее всего, перепись евреев... В худшем случае будут до-
капываться до брата Марии, думаешь ты, уже огибая угол
больничного здания.

Спустя несколько часов тебя допрашивают в «Миссионер-
ском отеле».

Вокруг снуют молодые люди в форме.

Рой солдат переговаривается, курит, распоряжается.
Мужчина за столом перед тобой постукивает ручкой по рас-
крытым документам и смотрит на тебя холодным тяжёлым
взглядом.

– Слышал, вы родом из России? Правда?

– Да.

– И знаете пять или шесть языков?

– Да... – отвечаешь ты растерянно, не понимая, куда он
клонит.

– Как-то странно... У вас инженерное образование, учи-
лись вы в Европе, в разных странах, вон, Англия, Германия,
Белоруссия. А теперь держите на пару с женой лавчонку дам-
ской одежды.

– Всё так, я... – начинаешь ты, но он тут же перебивает.

– И вы еврей, – говорит он и откидывается на спинку сту-
ла. – С Давидом Вольфсоном в каких отношениях состоите?

– Он брат моей жены, – говоришь ты, ага, из-за Давида,
значит, – но дальше вдруг неожиданный вопрос.

– Вы в курсе, что слушать Би-би-си противозаконно?

– Да, – киваешь ты и чувствуешь, что сцепил пальцы.

– И что запрещено распространять новости из Лондона?
Ты киваешь.

– И что вы обязаны сообщить, если вам станет известно, что кто-то их слушает?

«Как они об этом узнают?» – думаешь ты, судорожно перебирая в памяти места, где обсуждали последние новости из Лондона, но никак не можешь вспомнить, где что было, да и непонятно, кто бы мог донести.

– У нас есть доказательства, что эти новости обсуждались в некоем кафе, в «Кофейне».

Вот и ответ. Конечно. «Кофейня».

– Нам известно, что вы часто бываете в порту. Зачем? Что вы там делаете?

– Получаю товар, – отвечаешь ты. Кто-то ходил за тобой по пятам. Подслушивал твои разговоры, и в «Кофейне» тоже. Человек, понимающий по-норвежски. Но кто?

– Побудете тут, пока мы разбираемся в этом деле, – говорит мужчина за столом и машет рукой, отходи, мол, одновременно кидая взгляд на солдата у дверей.

– Что ж, спасибо, господин Комиссар. – Он отодвигает папку и велит охраннику препроводить тебя в камеру в подвале.

Даже и следующим утром ты ещё надеялся, что тебя отпустят, что кто-то в системе осознает – никакой опасности для Третьего рейха ты не представляешь, поэтому им же про-

ще и дешевле позволить тебе заниматься своим магазином... но в камеру зашли трое солдат, дружелюбно поздоровались и попросили сложить руки за спиной. Холод металлических наручников сковал руки.

– Куда мы идём? – спросил ты по-немецки.

– Шагай, – скомандовал один из охранников и повёл тебя – вверх по лестницам, по коридору – во двор. Шёл снег. Чёрная машина ждала с включенным двигателем. Тебя запихнули внутрь. Машина поехала прочь из города. До тебя не сразу дошло, куда вы едете.

Лагерь Фалстад.

Час езды от Тронхейма. Большое кирпичное здание с внутренним двором, окружённое бараками; территория обнесена заснеженной колючей проволокой, сплетенье металлических нитей облеплено тонким слоем белого.

Ворота открываются, тебя завозят внутрь... мимо охраны, мимо голой берёзы... заводят в здание, ведут на второй этаж. По обе стороны коридора камеры. Двери деревянные, решётка над кормушкой выгнута. За одной ты видишь лицо арестанта. Два конвоира стоят и смотрят, как ты раздеваешься, в коридоре, прямо перед камерой, потом тебя в неё запирают. Продолговатое помещение, окно и нары. За спиной со стуком задвигается засов, отсюда не сбежать, понимаешь ты, и тебя сковывает страх. Страх, потому что понятно: это конец, всё, что было раньше, было в последний раз.

А как Алкоголь, ты тоскуешь по нему первые недели в лагере, мечтаешь напиться: опьянение смягчило бы обстоятельства и мысли, приглушило бы отчаяние, ярость и страх, растворило их в дурмане забытья.

А как Ассоциации, непроизвольно возникающие когда угодно, по дороге на работу, в столовой, в лесу. Внезапные мгновения совершенно неожиданных воспоминаний, когда былое оказывается порталом во что-то иное.

Разбитые колёсами грузовиков колеи вокруг лагеря вдруг напоминают тебе о грязных ухабистых дорогах еврейского местечка в царской России, где ты вырос, о рябых курах за забором и о лохматом псе, которого ты обходил за версту.

Вид охранника, когда он нежится на солнце, запрокинув голову и прикрыв глаза, нежданно переносит тебя в студенческие годы в Германии, в мгновения абсолютного счастья: вот ты вышел из читального зала передохнуть, устроился на лавочке и наслаждаешься тёплым днём в ещё не подвластной нацистам стране.

Выстиранные рубахи сушатся возле барака, ветер раздувает их, точно паруса, а тебе вспоминается магазин, который вы с Марией сотворили с нуля, и поселение беженцев в Уппсале, где вам с Марией не хватило ума остаться, там на верёвках между домами сохло бельё, а вокруг носились ватаги детей.

А как Ажиотаж и веселье зимой на горке. Когда вас ведут в Фалстадский лес на принудительные работы, тебе издали виден раскатанный санками спуск: отполированная блестящая полоса за соседним хутором, почирканная чёрными полосами земли и камушков, нанесённых детскими ножками, когда малышня с радостным визгом, с красными от мороза щеками катается тут на санках.

А как Активация, как бесконечное множество историй, похороненных на годы под камнем преткновения, но теперь извлечённых на белый свет. Мешанина пустяков и подробностей, открывшихся нам внезапно, как обнаруживались в детстве под поднятым тобой камнем разбегающиеся во все стороны букашки.

Дорогой Хирш, эта книга – попытка отсрочить вторую смерть, отодвинуть забвение. Да, я не знаю наверняка, через что тебе пришлось пройти, как в точности всё было, но я собрал твою историю по крупичкам и сложил их вместе, чтобы мы живо представили то ушедшее время. Я не еврей, но в моих детях, твоих праправнуках, есть еврейская кровь. Твоя история – она и их история. Как мне, отцу, объяснять им ту ненависть к евреям?

После нашего разговора у камня преткновения я залез в архивы, книги и семейные альбомы, я объездил разные городки и деревни, где прежде никогда не бывал, я поговорил

со множеством людей. Но самое главное, я раскопал историю одной виллы на окраине Тронхейма. Историю совершенно чудовищную и неправдоподобную, я бы в жизни не поверил, что такое бывает, но эта вилла причудливым образом соединила нашу семью и Хенри Оливера Риннана, молодого человека, ставшего лютейшим из самых лютых нацистов Норвегии.

Вилла на букву Б.

Бандова обитель.

Б

Б как Банда.

Б как Бандова обитель, легендарная вилла на Юнсвансвейен, 46, она горделиво возвышается на самой границе исторического центра города. Даже спустя десятки лет после войны люди переходили на другую сторону улицы, лишь бы не идти вдоль дома с жуткой славой, как будто творившееся в нём зло сконденсировалось в воздухе и им можно ненароком надышаться и заразиться. Здесь, в этих стенах, Хенри Оливер Риннан и его банда вынашивали свои планы, пытали на допросах арестованных, убивали, пили и гуляли.

Журналист, попавший в Бандову обитель сразу после капитуляции фашистов, так описал свои впечатления:

В доме царил полный разор, риннанавцами владела, видимо, какая-то дикая страсть к разрушению. Все комнаты похожи на стрельбища, стены и потолок изрешечены пулями, а там, где обои показались им слишком целыми, они искромсали их в локуты. Даже в ванной и на стенах, и на самой ванне следы пуль. Остаётся предполагать, что пальба была одним из средств психологического террора узников, запертых в крошечной темноте в подвальных норах-камерах.

С виллой оказалась связана семейная полутайна, я впервые услышал о ней на кухне твоей внучки, а моей тёщи Греты Комиссар.

Была суббота или воскресенье, середина сонного размо­рённого выходного дня, когда дел, в сущности, никаких нет, отчего время замедляется и тянется томительнее, чем обы­чно. В гостиной на проигрывателе крутилась пластинка с джа­зом, тихое звучание фортепиано смешивалось с громкой вознёй детей, балансировавших на синем спортивном надув­ном мяче, до меня издали долетали взрывы смеха и глухое плюханье тел об пол. Я был на кухне с Гретой, она готовила обед – нарезала продолговатыми дольками грушу и уклады­вала её в жаропрочную форму к куриным бёдрышкам и ово­щам. Видимо, беседа касалась её детства, потому что, когда в кухню заглянул её муж, он с ходу спросил, в курсе ли я, что детство Греты прошло в штаб-квартире Риннана. Грета, с куриной ножкой в руке, улыбнулась неуверенно, смутив­шись, вероятно, что Стейнар выбрал неподходящее время для этого сообщения. Хотя фамилия Риннан звучала знако­мо, я не смог сразу вспомнить, кто он такой. Стейнар пришёл мне на помощь и для начала назвал его имя – Хенри, а по­том сказал, что он был тайным агентом нацистов, и стал жи­вописать, какие именно ужасы творились в той штаб-квар­тире. пытки. Убийства. Грета подняла руку в курином жире и предплечьем убрала волосы со лба; в другой руке она по-

прежнему держала ножик.

Атмосфера была какой-то странно напряжённой, словно Грета предпочла бы не начинать разговор о том доме. Но любая её попытка заглушить уже зазвучавшую тему и перевести разговор на другое слишком бы бросилась в глаза. В гостиной что-то упало с характерным шумом, затем Рикка спросила ребят, не лучше ли им переместиться для игр на нижний этаж, и тут же возникла в дверях и мимо Стейнара проскользнула на кухню.

– Ты там жила? – спросил я с удивлением, потому что Грету я знал уже пятнадцать лет, но она никогда ничего подобного не рассказывала.

– Да, я жила там с рождения до семи лет, – ответила Грета.

– Вы о чём? – спросила Рикка, видя, что упустила часть беседы.

– Рассказываю Симону, что в детстве я жила в доме банды Риннана, – буднично сообщила Грета и как ни в чём не бывало методично разрезала половинку последней груши на две дольки. По лицу Рикки я понял, что и для неё сказанное тоже новость.

– Мы и представления показывали *в подвале*, – продолжила Грета с нажимом на слово «подвал», надавливая тыльной стороной руки на помпу бутылки с мылом.

– Там же, где Риннан в войну хозяйничал.

Грета и её старшая сестра вместе с соседскими детьми ставили в подвале спектакли. Они наряжались в родительскую

одежду: сапоги на каблуках, шляпы, бусы – и пели. В качестве публики приглашались соседи – и дети, и взрослые; Грета стояла наверху лестницы и раздавала зрителям самодельные билеты, а взрослые, спускаясь в подвал, пригибали голову и с любопытством оглядывались по сторонам.

Картинки детского спектакля в пыточном подвале и маленькой девочки наверху лестницы вызывали вопросы. Как еврейской семье пришло в голову поселиться в доме, который во всём Тронхейме считался воплощением зла? Он стоил очень дёшево? Или им хотелось символического реванша? И как дом повлиял на поселившихся в нём?

Я загорелся желанием узнать больше, принялся читать всё, что смог найти, о банде Риннана и наткнулся на фотографии виллы, где выросла моя тёща. В то воскресенье Грета как будто отпустило, и она стала потихоньку рассказывать о своём детстве в Бандовой обители.

Когда Грета и Стейнар продали квартиру в Тронхейме, которую они по-прежнему сохраняли за собой, мы поехали туда с последним визитом. Спустились по улице, где когда-то располагался магазин «Париж-Вена», снова постояли у камня преткновения с твоим именем. А потом сели в машину и отправились на ту маленькую улицу недалеко от центра, Юнсвансвейен, где в доме 46 жила в детстве Грета.

Вилла оказалась симпатичным невысоким белёным домом с зелёными оконными рамами. Перед ним стояла красная раритетная машина пятидесятых годов, как будто время

тут замерло.

– Позвоним? – спросила Грета. Я кивнул и, поскольку никто не пошевелился, дошёл по гравийной дорожке до двери и нажал на звонок. А потом долго стоял и ждал, пытаюсь до конца сформулировать, что именно я скажу, если мне откроют.

Б как Безумные забавы риннановцев.

На полочке над моим письменным столом хранится ружья свинцовая пуля, выковырянная из кирпичной стены в подвале Бандовой обители. Она сплющена на манер примятого поварского колпака, вероятно, от удара о стену во время тех самых безумных игр, которыми риннановцы любили себя поразвлечь: привяжут узника к стулу и палат по очереди, соревнуясь, чья пуля пройдёт ближе всего от него, не задев.

Б как Бутуз, щекастый круглолицый младенец, и его голые младенческие ножки, вот он дрыгает ими, лёжа на пеленальном столике. А вот уже ковыляет по гостиной и взмахивает руками, чтобы не шлёпнуться, и радостно взвизгивает при встрече с другим малышом своего возраста.

Б как Ботаника и как Безмятежная жизнь домашнего детского садика, располагавшегося в том же подвале на Юнвансвейен, 46 несколько предвоенных лет. Пока хозяин до-

ма, институтский профессор Ральф Тамбс Люке, посвящал своё свободное время любительским занятиям ботаникой, собирал растения по всему Трёнделагу, а затем на втором этаже виллы высушивал их, сортировал и помещал в гербарий, снабдив элегантно подписью, его супруга Элиза Тамбс Люке и воспитанники детского сада в подвале играли, пели и жили своей жизнью, так что сперва по дому звенели детские голоса, это уж гораздо позже по границе земельного участка раскатали рулоны колючей проволоки, на въезде поставили охрану и виллу аннексировали насилеие и зло.

Б как Брат и как Башмаки, как воспоминания о детстве, этой стране происхождения каждого из нас. Мы покидаем её, не зная ещё, какой вид примут осевшие на дно души воспоминания о событиях и переживаниях самых ранних лет: они сохраняются глубоко в нас, слёживаются там и всю дальнейшую жизнь формируют наш способ бытия и ландшафт нашей души, подобно тому как осадочные седименты формируют ландшафт морского дна.

Таким незабываемым стал для Хенри Оливера Риннана десяти лет от роду один зимний день в феврале 1927 года. Шёл снег, хлопья кружились в воздухе и налипали сугробчиками на окно школы в Левангере, у которого корпел над тетрадкой по чистописанию Хенри. Чёлка упала ему на глаза, и он как раз потянулся за ластиком, чтобы стереть ножку у буквы g, которой был недоволен, как вдруг заметил,

что класс притих: учительница, оборвав фразу на середине, смотрит прямо на младшего брата Хенри и спрашивает, как у него дела.

– Ты очень бледный... ты здоров? – спрашивает она и выходит из-за кафедры. Хенри видит, что весь класс перемигивается, слышит первые смешки, их задавливают в себе в предвкушении скорого веселья, потому что учительница уже идёт по проходу между рядами парт. И вот-вот обнаружится то, что Хенри с братом всё утро пытались спрятать от чужих глаз: младший брат Хенри обут в *дамские* сапожки, чёрненькие, но дамские, позабытые заказчицей в башмачной мастерской их отца. Так Хенри и знал, что добром не кончится, он и маме объяснял, что нельзя отправлять сына в школу в дамской обуви, но мама сунула ему под нос зимний башмак брата с полуоторванной подмёткой и голосом, исключавшим возможность возражений, заявила, что брат не может пойти в школу в драных ботинках – он промочит ноги насквозь, ещё не успев завернуть за угол. Каблуки, и правда, у сапожек невысокий, но всё равно за километр видать, что обувь женская, вдобавок она велика брату на несколько размеров, и ему пришлось всю дорогу растопыривать пальцы, чтобы не потерять сапожки, из-за чего он вышагивал странной, неестественной походкой. Утром брату удалось незаметно прошмыгнуть в школу мимо стаи мальчишек, они, по счастью, были заняты своим и не заметили его обуви. В классе одна девчонка пихнула другую, они прыс-

нули со смеху, но тут вошла учительница, все вскочили и, как положено, хором сказали: «Доброе утро!» А когда училка их усадила, Хенри с головой ушёл в вывязывание буковок в красивые ряды и почти забыл думать о треклятых сапожках, но училка вдруг прервала урок и теперь вот идёт к парте брата с взволнованной озабоченностью на лице. Хенри чувствует, что у него вспыхнули щёки, видит, что брат засовывает ноги поглубже под стул, надеясь скрыть сапожки, но тщетно. Учительница останавливается рядом с его партой, изумлённо раскрыв рот, и из него, как непослушные горошины, сыплются слова.

– А... что это у тебя на ногах? – спрашивает она, вызывая ухмылки всего класса. Сердце Хенри колотится быстро-быстро, щёки полыхают позором, он смотрит на брата – тот молчит, глаза бегают, но он ничего не отвечает, очевидно, не знает, что сказать. Правду ему уж точно говорить нельзя, думает Хенри, нельзя говорить вслух при всех, что их отец, башмачник, не озаботился ремонтом ботинок собственных детей, лучше наврать с три короба, типа схватил первую попавшуюся обувь, не поглядев, или обулся так шутики ради, хотел проверить, заметит ли кто-нибудь, но брат ничего такого не говорит, он вообще ни звука не произносит. Отвечай давай, думает Хенри, молчание только раздувает позор, покрывший уже его всего, поэтому он кашляет, якобы прочищая горло, отчего внимание учительницы и класса переключается на него. Хенри чувствует на себе их взгляды.

От всеобщего внимания сердце Хенри начинает колотиться ещё сильнее, он совсем не уверен, что справится, но дрейфить нельзя, нужно что-то сказать, как-то выправить ситуацию, думает он и заставляет себя посмотреть на учительницу.

– Да он просто дурачился, мерил дома обувь из мастерской, – говорит Хенри и даже вымучивает улыбку, предлагая учительнице поверить ему, но видит по её лицу, что нет, не хочет она ему верить и не улыбается, а только упорствует: присаживается на корточки рядом с его братом, кладёт руку ему на плечо и говорит:

– Ох, как же ты похудел, бедный.

А потом озабоченно спрашивает – неужели дома всё так плохо, она, возможно, даже понимает, что ситуация унижительна для Хенри и его брата, и понижает голос, чтобы остальные не подслушивали, но тем самым делает ещё хуже: теперь-то уж всем ясно, что речь о действительно постыдном поступке, и одноклассники вслушиваются изо всех сил, наострив уши, – в этом Хенри уверен; и хотя училка шепчет чуть слышно, её слова долетают до каждого в классе, поэтому все разинули рты и таращатся на братьев Риннан.

Давай, отвечай что-нибудь, мысленно призывает Хенри. Но брат молчит. Вид у него несчастный и потерянный, он сперва поднимает взгляд на учительницу, потом косится на Хенри, глаза блестят, наполняются слезами, и брату приходится моргать, но отвечать он всё равно не отвечает. Шмы-

гает носом, вытирает его запястьем. В классе тишина. Полная, полнейшая тишина.

– Спасибо. Дома всё в порядке, – говорит Хенри ясно и отчётливо. – Ему немного нездоровилось, вот и всё. Продолжайте урок, пожалуйста. – И Хенри утыкается взглядом в предложение, над которым трудился, берёт ластик и стирает некрасивую завитушку у буквы g. Стряхивает крошки резины и берётся за карандаш, каждым движением показывая, что говорить тут больше не о чем и надо продолжать урок.

Чувства обострены до предела, Хенри ощущает, как отклеиваются от его спины взгляды, слышит, как скрипят стулья, когда одноклассники выпрямляются за партами, как царапают карандаши по бумаге, как учительница раскрывает рот и наконец-то продолжает урок. Одновременно он чувствует, что многих душит смех и рвётся у них из груди наружу, точно пар из-под крышки кастрюли.

В свой срок урок всё же заканчивается. Учительница подходит к брату и говорит, что он может остаться на перемене в классе, как и Хенри, так что он остаётся на месте и смотрит в окно, как однокашники возятся в снегу.

Следующие уроки проходят лучше. Наконец пора идти домой. Хенри запикивает в ранец учебники и берёт брата за руку.

Им надо пройти через школьный двор. На глазах всех учеников и прочих ротозеев, собравшихся полюбоваться на обувку брата и поржать над ним. Парни постарше сбились

в кучу, хохочут в голос и тычут пальцем в полусапожки.

– Гляньте-ка на неё! Фрёкен Риннан, не споткнитесь! Хорошего дня! – кричит самый взрослый парень, и дружки его тоже презрительно скалятся. Хенри ошпаривает гневом, он накатывает, как чёрная волна, и толкает вперёд, и, не успев подумать, Хенри сжимает кулак и бьёт в лицо идиота, насмехающегося над его братом. Гад какой, не смей так говорить, прекрати смеяться над братом, думает Хенри; злость в нём кипит, костяшки больно стучаются о скулу мерзавца, тот хватается за лицо, извиваясь от боли. Его банда на секунду неуверенно замирает, но тут же накидывается на Хенри. Вдруг вокруг него образуется мешанина из злющих глаз и орущих ртов. К нему тянутся руки, пальцы вцепляются в волосы и ранец на спине, через миг он распят на земле, его держат за руки и ноги, он ощущает только своё сопение, сердцебиение, злость и снег.

– Эй, вы там! Прекратите! – кричит учитель, высунувшись в окно с трубкой в руке; мучители нехотя отпускают Хенри, позволяют ему подняться на ноги, но шепчут в ухо: «Погоди, Хенри Оливер. Так просто ты не отделаешься, даже не думай, говно на палке!»

Хенри чистит штаны, он дрожит от злости так сильно, что не может вдохнуть полной грудью, ему как будто недостаёт воздуха, но он не думает об этом, хватается брата за руку и уходит, быстро-быстро-быстро, надо поскорее убраться прочь, подальше от школы, от этих парней, пока не ста-

ло ещё хуже или так безнадёжно, что уже и не исправить, думает он, вспоминая насмешливые гримасы одноклассников. Теперь постыдная история приклеится к нему, он станет позорищем, посмешищем, вся школа будет зубоскалить над ним ещё много недель. От этой мысли его снова накрывает отчаяние, конечно, они ещё на нём отыграются, улучат время, найдут место, застанут врасплох. Когда парень шептал ему на ухо, что, мол, погоди, так дёшево не отделаешься, он просто предупреждал: его ещё взгреют, сегодняшней взбучкой дело не кончится, они довершат то, что не смогли сейчас, думает Хенри и стискивает зубы. Вот же угодил он в передрагу. А ведь всё время, с первого дня в школе, он вёл себя осторожно, всё исполнял, ни с кем не собачился, научился искусно сглаживать улыбкой любую неприятную ситуацию. Позволял большим мальчикам помыкать собой, подчинялся командам, держался в сторонке, когда они пинали мяч или боролись потехи ради, потому как знал, что заводилой ему не стать, не таковский он, и что лучше ему не привлекать к себе внимания и ни во что не ввязываться. Столько времени он продержался на этой стратегии, и вот на тебе.

А всё его слёзы, думает Хенри и сильнее сжимает руку брата, пожалуй, даже слишком сильно, и прибавляет ходу. Брат ойкает. Ничего, потерпит. Ему надо научиться вести себя иначе, не как сегодня, а то превратится в мальчика для битья, которого всегда выбирают жертвой, если ребятам на-

до кого-то помучить, а это скажется и на Хенри, перейдёт на него, как вонь или зараза, вот уж чего ему никак не надо, он и так ростом не вышел. Из всех ребят моего возраста я ниже всех и наверняка ещё и беднее всех, думает он и тащит за собой брата. Они быстро шагают по проселочной дороге, краем глаза Хенри замечает, что брат морщится, просит отпустить его руку, но Хенри как будто не слышит, желая прочить плаксу.

– Мне больно, Хенри Оливер, – шепчет брат.

При виде слёз, капающих у него со щёк, Хенри резко отпускает руку и бережно гладит брату пережатые пальцы.

– Прости! – говорит он. Говорит несколько раз.

Брат шмыгает носом и трёт пальцы варежкой. Они идут дальше, Хенри прикидывает, что надо бы подбодрить мелкого, а то мама увидит его заплаканную физиономию и пристанет с расспросами, придётся всё ей рассказать, и что тогда? Мама встревожится, только и всего, вот уж чего точно не нужно. Хенри просит брата снять варежку, набрать пригоршню снега, сунуть в него нос и оттереть его. Брат так и делает. Рука от холода краснеет, но сопли удаётся отмыть. Теперь и Хенри сдёргивает варежки, раскатывает между ладоней плюху снега и бережно промакивает опухшие глаза брата, приговаривая:

– Мы ведь не расскажем ничего маме с папой?

– Нет.

– У папы с мамой других дел много.

– Угу.

Они идут дальше. Хенри дорогой придумывает игру: прохордится пальцами по пальто брата, от горловины до сгиба локтя, надеясь переключить его мысли на другое, развеять его мрачное настроение. Хенри засовывает пальцы брату под мышку и видит, как у того разглаживается, расслабляется лицо, страх, драка, холод и слёзы уходят, освобождая место для простой болтовни обо всём на свете, как у них принято по дороге домой. И они шагают дальше, пиная ледышки.

И вскоре доходят до своего дома, стоящего напротив кладбища. Деревянный двухэтажный дом зелёного цвета, на первом этаже отцовская мастерская, на втором – их квартира.

В кухонном окне мелькает мама, скорее всего, торопится начистить картошки, или бельё прополоскать, или овощи нарезать, и Хенри видит по лицу брата, как хорошее настроение снова улетучивается, а школьные неприятности оживают.

– Всё хорошо, – говорит Хенри, кладёт руку брату на плечо и гладит его по спине, – идём.

В квартире пахнет картошкой, в прихожей завалы обуви.

– Привет! – кричит Хенри, стараясь, чтобы голос звучал как обычно и не вызвал подозрений. Из кухни выходит мама с бисеринками пота на лбу и пятнами муки на фартуке. За её юбку цепляется их младшая сестра, тянется на цыпоч-

ки, чтобы взяли на ручки.

– Как было в школе? Ну что, ходить с сухими ногами совсем другое дело, да? – спрашивает мама; видимо, её слова подстегивают отца: в комнате скрипит пружинами старый стул, и отец появляется в дверях. Он держит в руках залащенные зимние башмаки брата, показывая всем и каждому, что теперь они не текут.

– Спасибо, папа, – говорит брат и забирает у отца башмаки.

– А... кто-нибудь заметил? – весело спрашивает папа и подмигивает в сторону полусапожек, но тут сестрёнка хватается за кухонную скатерть и чуть не виснет на ней, тарелки и стаканы того гляди полетят на пол, мама бросается их спасать и, на радость Хенри, не успевает заметить ни изменившегося голоса брата, ни пристыженного выражения его лица, когда он смущённо мямлит в ответ:

– Нет, папа.

Б как Большой кирпичный двухэтажный дом, охватывающий квадратный двор, и разбросанные вокруг бараки; вместе они составляют лагерь Фалстад. Ещё там есть маленькие сторожки для охранников, сараи для свиней и коров, уличные сортиры и столярные мастерские, а дальше уже колючка, она опоясывает всё.

Б как Берёза в тюремном дворе, ты проходишь мимо неё,

когда вас ведут на работы, у неё грязно-белый ствол и золотистые листья, ты заказал на пробу отрез такого цвета в свой магазин в Тронхейме.

Б как Бережно вклеенный в гербарий папоротник семейства чистоусовых, немедленно вписанный в каталог безупречно изящным почерком Ральфа Тамбса Люке, владевшего виллой на Юнсвансвейен, 46 задолго до её превращения в штаб-квартиру банды Риннана.

Б как Багаж и упаковка вещей, поскольку предстоит переезд в другой дом. И ещё Берёзовые листочки, они проклевываются из разбухших почек в тот весенний день 1948 года, когда багаж запихивают в машину в городе Осло. Выше крыш сияет солнце, капель искрится и брызжет в разные стороны. Гершон нервно тянется к ручке, чтобы закрыть багажник, его движения излишне суетливы, хотя ничего особенного не происходит, им всего-навсего надо к ночи доехать до Тронхейма. Яннике садится на корточки, поднимает с земли камешек и собирается засунуть его в рот, но Эллен вовремя подхватывает её на руки и вынимает камень из тут же сжавшегося кулачка, хотя Яннике протестует и пытается вывернуться. Потом она начинает рыдать и вопить: «Мой! Мой! Мой!», и Эллен упихивает её в детское кресло на заднем сиденье, а Гершон садится за руль.

Мебель вынесли из квартиры ещё утром, она уже уехала

на грузовике. Решение о переезде было принято несколько месяцев назад. Началось всё с намёков, мать Гершона умудрялась в каждый свой телефонный разговор с ним непременно вставить реплику, что ей очень нужна помощь в магазине. Трудно, дескать, управляться одной. Потом Мария навестила их в Осло. Приехала на поезде. Гершон ждал на перроне и смотрел, как мать спускается по лесенке в сапогах на высоких каблуках и такой широченной шляпе, что её поля проскользили по стенам тамбура, когда мать выходила. Она помахала рукой и сделала шаг в сторону, пропуская какого-то не знакомого Гершону мужчину с её чемоданом. С матерью иначе не бывает, она всегда так безупречно элегантно одевается, что даже предположение, будто она сама станет тягать свои чемоданы, кажется противоестественным, и Гершон, не двигаясь с места, наблюдал, как она в награду чмокнула мужчину в щёку и повела рукой, отсылая его. Затем, по-прежнему не думая сама озаботиться чемоданом, мать призывно кивнула Гершону, и пришлось ему подойти и взять его. Я бы всё равно предложил нести чемодан, подумал он, но что-то раздражало его в самой манере матери, в том, что она считает помощь себе чем-то очевидным. Однако он пресёк мысль в зародыше и улыбнулся. На вопросы Гершон отвечал коротко, как мать и рассчитывала, потому что, хоть она и спросила из вежливости, как у них дела, углубляться в подробности сверх простого «хорошо» ей явно не хотелось. Она вовсе не собиралась выслушивать, как трудно най-

ти работу, какие разительные перемены произошли с дочкой Гершона, Яникке, или что война сломала его будущее, как раз когда он дорос до того, чтобы обустраивать взрослую жизнь. Мать всегда была занята собой, своими делами, думает Гершон и вспоминает, как смеялась Эллен, когда он впервые рассказал ей про их с братом летние каникулы. В детстве их с Якобом, а лет им было не больше десяти-двенадцати, селили одних в пансионате на несколько недель, поскольку родители никак не могли бросить магазин.

Едва переступив порог их квартиры, Мария стала причитывать, как тесно Эллен с Гершоном живут, до чего же крохотная у них квартирка. Гершон видел, что Эллен очень расстроилась, улыбка застыла у неё на лице, наверняка Эллен и сама о том же частенько думает, как ни крути, она дочь фабриканта, привыкла жить широко.

– Мы собираемся переезжать, мама, – сказал Гершон, принимая у матери пальто. – Купили в Холмене таунхаус с участком, как только его достроят, сразу переедем.

– Об этом я и хотела поговорить, – ответила Мария, переходя в столовую. – Я нашла вам дом. В Тронхейме, почти в самом центре. Вилла с садом и нормальным туалетом, а не вынесенным, как у вас. Собственный дом, Гершон, и работа для тебя в «Париж-Вене».

Мать повернулась к Эллен – та держала на коленях Яникке – и принялась рассказывать ей о магазине, расписывать платья и ткани, шляпки и пальто, Эллен, конечно, сможет

брать всё, что захочет.

Историю дома Мария не упомянула. Лишь несколько недель спустя она позвонила Гершону и под занавес разговора, когда уже пора было класть трубку, сообщила – как нечто будничное, обычное не бывает, – что в войну в доме пару лет обитала банда Риннана.

Гершон повернулся спиной к гостинной и закрыл глаза.

– Алло? Ты здесь?

– Мама, но... Почему ты не сказала об этом раньше?

– Я таки боялась Эллен, она бы раздула это дело до небес, ой-ой, всё так серьёзно... – сказала Мария на идише.

– Послушай... Тебе не кажется, что нам следовало об этом знать? – тоже на идише сказал Гершон, прислушиваясь, как Эллен с Яннике болтают в комнате.

– Не знать, а узнать, – поправила его мать. – Но что бы поменялось, Гершон? Война закончилась, Риннан со своими парнями убрался оттуда давным-давно. Красивый частный дом с садом в очень хорошем районе. Послушай, это единственная возможность вам устроиться действительно прилично, а мне заполучить тебя, ты нужен мне в Тронхейме.

Гершон молчал, и Мария снова перешла на норвежский.

– То есть мне надо было сказать нет? Сказать, что сын не хочет переезжать назад в Тронхейм и отказывается от дома, потому что они с женой боятся привидений?

– Нет, мама, – ответил Гершон. Эллен с Яннике на руках шла из гостинной.

Он ничего ей не сказал. И потом всякий раз, как он собирался поведать ей историю дома, что-то ему мешало. Да плюс ещё и другая причина была – желание повернуть историю вспять, взять реванш. Тем временем наступила весна, и вот – они переезжают, уже усаживаются в машину.

Гершон поворачивает ключ в замке зажигания, машина трогается с места, в дороге двухлетняя Яннике постепенно забывает, из-за чего сердилась. Тревога отпускает, они потихоньку болтают о пустяках, как принято в поездках. Разглядывают дома, поля. А то и трактор вдруг проедет с копной сена. Яннике водит пальчиками по стеклу и прижимает к нему свой язычок. Гершон улыбается, подсматривая за ней в зеркало. Пытается представить, как они будут жить в Тронхейме, а он – работать в магазине «Париж-Вена». Глубоко вздыхает, и Эллен накрывает ладонью его руку на руле. Он тут же поворачивается к ней, улыбается, жмёт на газ и кладёт руку ей на бедро, чувствуя под платьем её кожу, такую горячую, и мысленным взором наблюдая за счастливым семейством в саду нового дома. Всё обязательно будет хорошо.

Б как Баритон одного заключённого в Фалстаде, охранники заставляют его петь: иногда в разгар работы вдруг велют ему попеть для них. Прекращается визг пил, замолкают стук молотков в мастерской и бесконечное шарканье ног и рук. От его пения что-то пробуждается в каждом арестанте. Голос у баритона красивый, чистый, он поёт, закинув го-

лову, как будто песней жалуется небесам. Его фразировка как-то смягчает происходящее. Боль в мышцах, постоянное жжение от мелких порезов и мозолей на считанные минуты исчезают. Лица охранников разглаживаются, расслабляются, но потом кто-нибудь из них приказывает отставить пение и всем вернуться к работе. Именно в такие минуты ты думаешь, могут ли эти молодчики быть теми мальчишками, которых ты встречал лет десять назад на улицах немецких городов. Им было лет по десять-двенадцать – тощие, мосластые, руки-ноги болтаются... Мальчишки носились по тротуарам с горящими от любопытства и радости глазами. Может, когда этот охранник был мальчишкой, ты улыбнулся ему в парке или даже поболтал с ним? Не то теперь. Война упаковала их в другую форму.

Б как Бар-мицва, и свиток Торы, и скамьи в синагоге Тронхейма, которые ты в своё время помогал туда заносить. На этих скамьях сидели твои дети, болтали ногами, прислушиваясь к заунывному голосу читающего и проникаясь благоговейной атмосферой.

Б как Бочки и Барная стойка на фотографиях Бандовой обители, сделанных сразу после окончания войны. Время послеобеденное, я сижу работаю в своём кабинете в Осло, разыскиваю в интернете архивные свидетельства. На первом снимке общий план виллы, вид сзади. Дом с арочным окном

на втором этаже и распашными ставнями на окнах первого этажа. Колючая проволока по периметру усадьбы уже убрана, как и охранники, прежде нёсшие там вахту. На втором снимке одна из комнат, где жили риннановцы: ящики комода, одежда и мусор валяются на полу вперемешку с разодранным в клочья ковром. На третьем фото свет льётся в подвальное окно, на барную стойку, заставленную бутылками. Перед баром стоят две большие бочки, они держат зажатый между ними толстый железный столб. Он лопнул посерединке, вероятно, не выдержав тяжести всех, кого заставляли сесть на корточки со связанными руками, а потом вздёргивали на столб, и члены банды, сменяя друг друга, секли их кнутом, избивали или выжигали на теле метки. На экране передо мной возникает задняя часть обнажённого мужского бедра в чёрно-белом изображении, под одной из ягодиц выжжена свастика. Я слышу шаги за спиной, видимо, я так глубоко погрузился в разглядывание экрана, что не услышал, как вошла дочка, но теперь она стоит прямо за моим креслом. Я поспешно сворачиваю фото, но тем самым открываю следующий снимок, на нём – три разных хлыста.

– Папа, что это? – спрашивает дочь раньше, чем я успеваю выйти из вкладки.

– Я просто читал о войне, – отвечаю я и трюсь щекой о её щёку. Подхватываю на руки маленькое тёплое тельце и уношу её прочь от компьютера.

Б как Бетон в подвале Бандовой обители и как Бурая кровь, она капает с топора в руках одного из членов банды. Последние дни апреля 1945 года, Риннан, спустившись в подвал, смотрит на ящик, тот стоит в центре помещения, и кровь неспешно стекает из него в слив в полу. Риннан одобрительно кивает запыхавшемуся помощнику, тот прижимает к ноге руку с топором.

В

В как Виннету.

В как Вино и Выпивка.

В как Взростление. У мальчиков в пубертате происходит увеличение яичек и мошонки. Гормональный всплеск приводит к росту волос на ногах и в промежности. Голос ломается, лицо грубеет, теряет пухлость, а щёки и нос покрываются сальным слоем, возвещая скорые изменения в организме и грядущее прощание с детством. Иногда, очутившись в прихожей в одиночестве, Хенри встаёт перед зеркалом и рассматривает себя, думая, что он такого ненормально низкого роста из-за их бедности. А в другие разы он слышит, как мама объясняет подруге или продавцу, что просто он медленно растёт, но, конечно, ещё наверстает, слова обнадеживают его, но ничего не меняется. Хенри взрослеет, но ростом сверстников так и не догоняет. И по-прежнему держится особняком. Говорит, что не пойдёт со всеми играть в футбол, не любит он играть, хотя на самом деле спит и видит, как обводит одного игрока за другим и выходит один на один с вратарём. Элегантно навешивает мяч, и тот пролетает над головой растянувшегося на траве защитника ворот, товарищи по команде кидаются качать Хенри, он взлетает в воздух, и на лице его написаны триумф и восторг. Но ни-

чего такого не происходит. В реальности он ведёт себя тихо. Вежливо. Осторожно. Старается никому не мозолить глаза, ведь кого не замечают, того и не мучают.

Хенри тринадцать, и дядя дал ему почитать журнал с индейцем на обложке. Пока всё семейство пьёт кофе, а отец разглагольствует о необходимости уничтожить в стране всех коммунистов, поотрубить им бошки на площади, Хенри приступает к чтению и обнаруживает портал в другой мир. История о Виннету затягивает его, уносит далеко-далеко от улиц Левангера, школьного двора, опасных парней, встречи с которыми он всячески избегает, но иногда им всё-таки удаётся поймать его по дороге домой из школы и вволю поиздеваться.

Ему четырнадцать, он просыпается ночью с непонятной слизью внизу живота, сжимая руками сиськи соседской девахи, чьей-то старшей сестры, но её голое тело исчезает, стоит ему открыть глаза.

Ему пятнадцать, он конфирмант, и в качестве дорогого подарка на конфирмацию ему, как и многим однокашникам, выдирают гнилые зубы и вставляют протез.

Новые ровные зубы, которые он может погладить языком, в зеркале они сверкают белизной.

Ему шестнадцать, он перестаёт расти. Останавливается на жалком 161 сантиметре.

Самый низкорослый коротышка из всех шестнадцатилеток Левангера. Большинству из них он достаёт до плеча, да

вдобавок его тело кажется непропорционально маленьким в сравнении с огромной головой; он как будто принадлежит к другому виду. И к другой, уродливой ветви развития человечества, хотя ум у него острее, чем у многих сверстников, это-то он замечает, вот только ростом он не вышел, и тут никакая вежливость не поможет. Как не поможет и то, что он прилежный ученик, хорошо успевает в школе и выполняет все положенные обязанности. Взрослым это вроде бы и нравится, но исключительно потому, что он создаёт минимум проблем и не выделяется. Для одноклассников он пустое место. Мальчикам он не интересен, девочкам тоже. Ему надо прибавить в росте. Он молится об этом Богу, но всё равно не растёт.

Если бы ещё мать с отцом были маленького роста, тогда можно было бы их обвинять, но они как все. И братья тоже. Он один такой. Почему? И почему именно он? Ответа нет, и выхода тоже нет. Единственное, что он может делать, – это отращивать чёлку, помадить её и зачёсывать наверх как можно более высокой волной в надежде прибавить себе несколько сантиметров, чтобы меньше бросаться в глаза, затеряться в толпе или проскользнуть в какую-нибудь компанию, но тщетно. Он всё равно выделяется своей непохожестью, слабость его очевидна всем, и, конечно же, пацаны не дают ему прохода, что Хенри как раз понятно, такова уж человеческая природа. Куда ни сунься, везде так. Сильнейшие берут что хотят, устанавливают свои правила и застав-

ляют всех прочих подчиняться им. Так есть и будет. Естественно, мальчишки, когда взрослых нет рядом, окружают его кольцом и пихают от одного к другому.

Хенри старается не беречь себе душу, не принимать обиды близко к сердцу, всё равно он ничего не может с этим поделать.

Часто травля возобновляется, когда он ложится спать и закрывает глаза: тогда он видит радостные возбуждённые лица мальчишек и себя, болтающегося между ними с одной только мыслью в голове – не разрыдаться, никогда ни за что не дать себя сломить.

В как Война.

В как Вывоз норвежских евреев и участников Сопrotивления в Швецию силами так называемой «Доставки Карла Фредриксена». Эта подпольная организация базировалась в садовом хозяйстве в районе площади Карла Бернера в Осло. За осень и зиму сорок второго – сорок третьего года они спасли тысячу с лишним человек. Одной из спасённых была твоя невестка, Эллен Глотт, бабушка Рикки. А другой – твоя жена, Мария.

В как Веддинг. В как Велосипедный магазин. В как Верёвка.

В как Весна тридцать первого года, шестнадцатилетний Хенри идёт по Левангеру мимо Каппеленгора, зелёно-

го деревянного дома на Шёгатен, у самого фьорда. Бегает, по обыкновению, глазами по сторонам и видит, что у магазина спорттоваров Сверре Вединга, в котором служит его дядя, толпятся молодые парни. Хенри бывал в магазине много раз, ещё с тех времён, когда ему приходилось вставать на цыпочки, чтобы, пока отец покупает запчасти для велосипеда или для мастерской, разглядеть прилавок. А сейчас Хенри идёт туда, чтобы посмотреть на купленный дядей «форд». Настоящий «форд», единственный на весь город, у него чёрный блестящий кузов и салон в тёмно-синей коже. После очень долгих размышлений и колебаний магазин решил заняться торговлей автомобилями и одновременно соорудить первую в Левангере бензоколонку, чтобы машины, число которых постепенно начнёт увеличиваться, заправлялись прямо у них. Магазин будет продавать машины и запчасти к ним, и вот, чтобы показать товар во всей красе, у витрины выставили настоящий «форд». Из-за спин зевак Хенри почти не видит автомобиль. Дядя стоит нагнувшись и что-то показывает парням, но вот он распрямляется, взглядывает поверх голов, замечает племянника и окликает его.

Первый порыв Хенри – развернуться и убежать, ну или пройти мимо, сделать вид, что он ничего не слышал, но получится слишком глупо: они с дядей уже обменялись взглядами, теперь тот непременно доложит матери о странном поведении Хенри.

– Хенри Оливер! – кричит дядя. – Иди-ка сюда, я тебе

кое-что покажу.

Хенри оглядывает стоящих. Вот парень, с которым он дрался когда-то из-за брата и дамских сапожек. Один из тех, кого девушки всегда провожают глазами. Хенри подмигивает ему, переходит дорогу, огибая лужу, на ходу тужится придумать лёгкую остроту, но что тут скажешь?

– Как приятно, что ты зашёл, – говорит дядя и игриво приобнимает Хенри за плечи. Все расступаются, давая Хенри место. В присутствии дяди ничего другого им не остаётся.

– Вот полюбуйся! – продолжает дядя и кладёт свободную руку на крышу «форда». Хенри наклоняется и через стекло заглядывает внутрь. Смотрит на кожаные сиденья. Руль с бороздками снизу, в них идеально лягут пальцы водителя. Кнопки и ручки.

– Скажи, красавец? – спрашивает дядя.

Хенри кивает, и дядя обходит машину и распахивает переднюю дверцу.

– Я как раз думал попробовать его в деле, – продолжает он. – Составишь мне компанию? – спрашивает дядя и легонько улыбается.

Все завистливо смотрят на Хенри, а он не может удержать улыбку, она всё шире и шире.

– Конечно! Когда?

– Ну-у, – тянет дядя, подогревая внимание мальчишеской компании, но желая покрасоваться и перед молодой женщиной, которая катит детскую коляску по другой стороне ули-

цы. – А почему бы не прямо сейчас?

– Прямо сейчас? – переспрашивает Хенри.

– Момент самый что ни на есть подходящий. Залезай!

Дядя открывает дверцу, а Хенри тянется к ручке со своей стороны и чувствует, как сильно колотится сердце. Парни стоят так близко, что могут и наподдать ему, и пихнуть, но не сейчас же, когда дядя рядом. Хенри открывает свою дверцу, для чего всем приходится отойти ещё на шаг, а он наконец получает возможность залезть внутрь блистательного чуда из сверкающего металла, кожи и стекла. Сюда только меня допустили, думает Хенри и осторожно, чтобы не испортить, захлопывает дверцу. Он выглядывает в окно, видит зависть на всех лицах и чувствует, как гордость прямо-таки распирает его, ведь остальные сейчас просто разойдутся по домам. Им разрешили только поглазеть на машину да повосхищаться ей, а ему позволено опробовать её, прокатиться на ней. Хенри гладит приборную доску, она из тикового дерева и окаймлена ослепительно сияющей стальной рамкой.

Дядя поворачивается к нему.

– Готов? – спрашивает он, и Хенри кивает нервно и восторженно, конечно же, он готов!

В ту же секунду дядя выводит машину из спячки: поворачивает ключ в зажигании. Нажимает ногой на педаль, поддаёт газу, отчего из-под капота вырывается рычащий звук, затем берётся за ручку и двигает её вниз и вбок. И они едут по Шёгатен, прочь от зевак, доезжают до Киркегатен, едут

дальше, огибают город. Все оборачиваются им вслед.

– Учись, – говорит дядя и показывает Хенри, как переключают передачи, газуют и рулят. Показывает, как он может открыть окно всего лишь поворотом ручки – стекло тут же послушно уезжает вниз. А за бортом проплывают дома и люди. Там свой мир, а в машине свой.

– Ты когда-нибудь водил машину, Хенри Оливер? – спрашивает дядя, когда они выезжают из самого центра.

Хенри мотает головой, и дядя берёт его руку.

– А ну-ка попробуй порулить, – говорит он и кладёт руку Хенри на руль.

Хенри покрывается испариной, хочет отдёргнуть руку, но дядя гогочет и подбадривает его: «Давай, Хенри, не дрейфь, у тебя получится». И Хенри понимает, что ему не отвертеться, да особо и не хочется, искус слишком велик, он переваливается вбок, кладёт и вторую руку на руль и ведёт машину!

Некоторое время прямо действительно сам ведёт! Несколько минут управляет машиной, объезжает выбоину, уходит на разворот и едет назад. Дядя забирает у него руль почти у самого магазина («ну всё, отдохни»), и сам загоняет «форд» на стоянку. Молодёжь успела уже разойтись. Двое в машине молчат. Хенри сидит, положив ладони на колени, как в школе. Дядя откашливается, достаёт сигарету и легонько постукивает ею по бедру.

– Ну, Хенри Оливер. Неплохо было, да?

– Не то слово! – говорит Хенри и улыбается. – Спасибо!

– На здоровье. Будешь? – дядя протягивает ему портсигар, красивую коробочку с арабским дворцом на крышке и словом «Медина», оно змеёй обвивает один из куполов.

Хенри мнётся, что-то мямлит, потому что курить он, конечно, уже курил, но тайком, ворованные у отца сигареты, а так, по-взрослому и открыто, ему ещё никогда не предлагали. Моргнув раз и другой, он говорит «спасибо» и берёт сигарету. Прикуривает и чувствует, как затяжка обжигает всё в груди.

– Ну, Хенри Оливер, – спрашивает дядя и выдувает облачко дыма, которое дрейфует к лобовому стеклу и там развевается, – как дела у моего племянника?

– Дела... дела хорошо. Спасибо, – отвечает Хенри и тоже затягивается.

– Что в школе у тебя порядок, я знаю. А в остальном? Спортом ты ведь не занимаешься, да? Или я не прав?

Хенри мотает головой. Выпускает дым и тут же делает новую затяжку, чувствуя, как его напрягает необходимость говорить по душам. Он даже сигарету не может держать непринуждённо, стискивает. Не то что дядя, у того сигарета кажется органичным продолжением руки, так естественно она смотрится между средним и указательным пальцами.

– Нет, меня спорт не очень интересует, – наконец отвечает Хенри и искоса смотрит на дядю: как он отреагирует?

Дядя смотрит строго перед собой. Кивает как ни в чём

не бывало, словно ничуть не разочарован. Как будто не считает, что с Хенри что-то не так.

– Тогда у тебя, вероятно, бывает свободное время. Хотя ты же ещё с ребятами хороводишься... Или нет?

Хенри снова кивает. Делает ещё одну затяжку. Столбик пепла уже угрожающе длинный. Не хватало только насвинячить в машине, думает Хенри. Дядя опускает окно. До чего аккуратная ручка, чудо, думает Хенри, крутит такую же ручку со своей стороны и как зачарованный следит, как стекло опускается в прорезь и исчезает. Дядя высовывает руку и стряхивает пепел за окно. Хенри делает так же.

– Мы со Сверре... – говорит дядя и показывает на витрину.

– Да?

– Мы со Сверре подумываем о помощнике. Мы уж несколько раз говорили, что нам бы человека ещё на одну смену. Тебя такое не заинтересует?

– Заинтересует, конечно, – выпаливает Хенри и нервно улыбается, потому что мышцы лица не очень слушаются. Слишком о важном речь. Летом он окончит среднюю школу. Вот бы сразу и выйти на работу, да ещё такую стоящую.

– Отлично. Тогда я поговорю с твоей мамой. А ты не мог бы начать завтра? После школы? Ну, чтобы попробовать.

– Завтра? – с жаром переспрашивает Хенри.

– А чего ждать-то?

Хенри снова торопливо кивает, он не верит, что всё это происходит на самом деле: он сидит в новеньком «форде» и ему предлагают работу! Дядя улыбается, выпускает тонкую струйку дыма и щелчком отправляет окурок за окно.

Хенри со всех ног мчится домой и рассказывает новость отцу, тот не расщедривается на энтузиазм, наверняка просто завидует преуспевающему шурина, сперва думает Хенри, но тут до него доходит, что отец всё знает. И что всё это сладила мама.

Всё утро Хенри готовится, отец в качестве извинения на-чистил его башмаки. Хенри проходит вдоль кладбища, сворачивает за угол и идёт в сторону магазина и мастерской. Он бывал там с детства и знает, где что лежит и как всё устроено. Он мог бы с закрытыми глазами описать магазин: деревянный прилавок от стены до стены и коричневый кассовый аппарат с кнопками и рычагами и чёрной деревянной рукояткой сбоку – её нужно опустить наполовину, чтобы освободить пружину, которая выбрасывает ящик. И распродажные рюкзаки, вывешенные в витрине, он бы тоже смог описать, и рассказать о «форде», выставленном рядом с магазином. Истинное чудо: тёмный металл, блестящий хром и детали из дерева тёмно-орехового цвета. А вот с чем бы он не справился, так это с описанием ощущения, когда снимаешь с вешалки фирменный магазинный халат, просовываешь руки в рукава, смотришься в зеркало и видишь нового, преоб-

ражѐнного человека. Хенри не сумел бы рассказать, как по мере переоблачения отступают вечная тревожность и неуверенность, как старинное уважение к человеку в такой униформе поднимает самоуважение, даёт ощущение собственной значимости. В роли продавца Хенри легко заводит беседы с незнакомыми людьми, быстро узнаѐт, что бы они хотели купить, дружелюбно помогает им найти и выбрать подходящее. Обычный Хенри, тихий, вежливый и незаметный, подсказывает ему нужные слова и вдобавок учит по-другому смотреть на людей. Убирает налѐт его личных комплексов, и он как по маслу входит в роль бывалого продавца. Такого, которому точно известно, где что в магазине лежит и какого покупателя можно побудить купить ещё и всякую ерунду, перчатки там, или варежки, или маленький инструмент, или смазку для цепи, даже когда он только что отдал велосипед им в ремонт. Хенри ловко справляется с верѐвочной конструкцией, когда надо опустить товары, подвешенные под потолком. Он даёт почувствовать покупателям, что им здесь рады.

Он приносит матери деньги и диву даѐтся, что мастеровитость и уверенность приходят вместе с форменной одеждой и исчезают в тот же миг, как он снимает халат и превращается в Хенри Оливера, озабоченного тем, как бы быстро и незаметно добраться до дома, никому не поправшись на глаза.

А ещё он никогда не думал, что заправлять машину – такая радость, жаль, редко к ним за этим заезжают. Воз-

ня со шлангом, волшебный запах бензина. Его пары заставляют воздух вибрировать и превращают его в нечто иное, нечто вроде зыбкого миража, и это длится, пока бензин льётся в машину, где он переработается в скорость, в звук, в наслаждение.

Проходит месяц. Дядя не нарадуется на него, как и сам Сверре Вединг, и мама всячески даёт понять, что очень благодарна за деньги, которые Хенри приносит в дом. По вечерам ему разрешают помогать в мастерской на заднем дворе и чинить машины вместе со взрослыми. Он выучивает название всех деталей мотора и для чего они нужны, он вообще всё время, какое только может выкроить, проводит в мастерской, согнувшись над капотом, руки у него по локоть измазаны в машинном масле. Лишь одно слегка омрачает радость его новоустроенной жизни: размер жалованья. Он отдаёт родителям деньги на хозяйство, да ещё они выплачивают кредит, так что в результате Хенри остаётся с пустым карманом. Конечно, он мог бы спросить у мамы, нельзя ли ему хоть что-то оставлять себе, пускай совсем немного, но он не хочет заводить такой разговор, не решается спрашивать, потому что при одной мысли об этом ему представляется мама, которая стоит на кухне, мотает головой, смотрит на него строго, а потом заводит старую песню о том, на что именно им не хватает денег. Тут и возражать глупо, выиграть эту битву у него, естественно, шансов нет. А сама мать никогда не поймёт, как для него важно хоть изредка посидеть с ребятами

в кафе Общества трезвенников и, подобно всем прочим, заказать какао с булочкой. А не увиливать каждый раз от приглашения под выдуманым предлогом, не сочинять отговорки, что он занят и его ждут дома. Он должен поговорить об этом с мамой, но духу не хватает. Поэтому он вынужденно остаётся отщепенцем, выключенным из общения с другими, из их жизни и дел, а поскольку мама отлично знает, сколько он зарабатывает, у него нет ни единого шанса схитрить и выгадать себе на поход в кафе или на что-нибудь вкусненькое. Это несправедливо, думает Хенри, идя в магазин. Почему ему всё не по чину, сколько бы он ни работал?! Это же нечестно. Получается, кому что-то сразу дадено, у того всё всегда и есть. Деньги липнут к тем, кто родился в достатке, кто красив и уверен в себе. Его богатеньким сверстникам по карману ходить в кафе на главной улице – там они все и встречаются, кто не ноль с палочкой. И покупать сигареты. Или шоколад. Или билет в кино. Он один живёт, отгороженный стеклом от настоящей жизни, как аквариумная рыбка: видит, как они развлекаются по ту сторону стекла, но никогда не сможет его пробить и присоединиться к их разговору, стать одним из них. Никогда, никогда, никогда, сколько бы он ни работал. Только его одного никогда не зовут на дни рождения или погонять в футбол, и девушки никогда не обращают на него внимания. Один он ходит в обносках двоюродного брата и не только брюки подворачивает, но и рукава свитеров и рубашек закатывает, чтобы руки не тонули в нед-

рах ткани и не казались маленькими испуганными зверьками, которые боязливо высовывают из норки нос, чтобы принюхаться, не опасно ли тут.

Может быть, надо попросить прибавки к жалованью, думает Хенри, но тут же отгоняет эту мысль. Сверре Ведин никогда не согласится дать ему прибавку, хотя торговля идёт с блеском, а сам Сверре ходит в костюме с жилетом и ездит на собственном авто. И обороты с приходом Хенри здорово выросли, потому что он отличный продавец. Это несправедливо и нечестно, думает Хенри, ведя пальцем по боковине кассового аппарата, внутри которого, по ту сторону холодного металла, в ящике лежат деньги. Мысль западает ему в голову, входит туда, простая и ясная: возможность исправить положение существует. Есть лёгкий способ поднять жалованье до должного уровня, сделать так, чтобы Хенри получал столько, на сколько он на самом деле зарабатывает. А всего и фокус – изредка не пробить покупку и забрать деньги себе, ну, типа чаевых, раз уж доходы магазина растут во многом за счёт его талантов продавца. Конечно, брать по чуть-чуть, совсем помалу, чтобы никто не заметил. Для хозяина магазина такая мелочь никакой роли не сыграет. А для Хенри? Для него это возможность сходить со всеми в кафе. Наблюдать за компанией извне и быть её членом – принципиально разные вещи, вот о чём речь-то. А деньги эти он всё равно заработал, разве не так?

Хенри сжимает кассу руками и косится в сторону конто-

ры, где корпит над документами Сверре Вединг, сидит, согнувшись, за столом в облаке сигаретного дыма. Дядя отлучился куда-то или ушёл в мастерскую. Входит посетитель. Пожилой мужчина. Идеальный случай поучиться, думает Хенри, и сердце у него начинает колотиться быстрее, но кто это заметит, если Хенри, как всегда, улыбается и вежливо здоровается, не забывая при этом держать спину прямой и обе руки на прилавке, а говорить громко и чётко. Пока седой господин шарит в карманах пальто в поисках чего-то подходящего, чтобы вытереть вытекающий из ноздри блестящий сгусток соплей, Хенри успевает рассмотреть посетителя и отметить, насколько он рассеян и невнимателен.

Вот и шанс.

До чего ж лёгкое дело, оказывается! Вставить палец, задвигая ящик, чтобы касса не защёлкнулась, дождаться, пока покупатель выйдет, вытянуть монеты и опустить в карман. Когда секунду спустя снова звякает дверной колокольчик, сердце Хенри ещё бешено бьётся, но следов предыдущей покупки уже нет, а деньги есть, вот они, он прижимает их правой рукой к подкладке кармана. А после работы неспешно направляется в заветное кафе, где проводят время все эти счастливики, по дороге встречает парня из своего района, осторожного тихоню тоже не из числа заводил, и спрашивает, не зайдёт ли он с ним в кафе, говорит, что угощает. Парень, к радости Хенри, соглашается. Хенри всё время сжимает монеты в кармане. Кафе принадлежит Обществу трез-

венников, поэтому там нет ни пива, ни тем более крепкого алкоголя, но курить можно, и болтать можно. Хенри покупает две чашки какао. Он ловит обращённые на него взгляды, слышит гул оживлённых бесед, смех и звяканье чашек. Знакомец ведёт его к столу, где собрался народ из их района. Хенри придвигает стул. Он старается не показать волнения, пьёт какао маленькими глоточками и слушает. Кто-то пересказывает кино о ковбое, как он спас целый город. Все внимательно слушают, но рассказчик, не удержавшись, говорит, чем дело кончилось. В наступившую тишину вклинивается Хенри с вопросом, слышали ли они историю о другом ковбое, он вычитал её в журнале. Все смотрят на него поверх чашек какао, ни тени сарказма во взглядах. Наоборот, они всерьёз готовы его слушать и лишь спрашивают: какую историю?

Можно подумать, они только и ждали, чтобы кто-нибудь пришёл их развлекать, и теперь заворожённо ловят каждое слово Хенри, пока он рассказывает им о пыльном американском городишке, ограблении банка и полных чемоданах денег. Он взглядом приклеивает их к стулу, владеет их вниманием и может говорить так тихо, что они подаются вперёд, сдвигаются на краешек, лишь бы слышать всё и не упустить ни одной детали. Его истории начинаются как пересказ прочитанного в журнале, но очень быстро он сам становится главным действующим лицом, и никто из слушателей не возражает против подмены, не возмущается самозванным ков-

бойством Хенри, потому что сейчас он, и никто иной, в центре внимания, сейчас история зависит от него. Парень, которому он купил какао, смотрит на него с телячьим восхищением.

Довольно скоро Хенри встаёт – ему пора домой, надо поспеть к ужину, – и кто-то из ребят тут же спрашивает, придёт ли он завтра.

– Конечно, – спокойно и уверенно отвечает Хенри. – Здесь приятное место, – и идёт к дверям, а в душе пузырятся радость и гордость. Всю дорогу до дома он строит план на завтра. Ему надо будет стянуть ещё денег, чтобы хватило на кофе. А историю, которую он расскажет им завтра, он уже почти придумал.

Так продолжается до конца года. Он осторожен. Никогда не берёт слишком много, не позволяет себе поддаться искушению, пусть недостачу никто ни разу не заметил. Нет-нет, ровно столько, чтобы иногда выпить чашку какао в кафе да изредка сходить со всеми в кино на главной улице. Зайти в зал с толпой молодёжи, разгорячённой предвкушением. Под жужжание голосов ждать момента, когда красный бархатный занавес начнёт разъезжаться в стороны, как будто распахивается огромный глаз и открывается дорога в совсем другой мир. Теперь, со звуком, кино стало прямо как настоящая жизнь. Пистолеты стреляют, двери хлопают, и тебя, зрителя, затягивает в экран, ты как будто сам становишься героем фильма. Музыка, декорации, диалоги настолько вовле-

кают тебя в действие, что ты переживаешь драму на экране, как свою личную. Но билет стоит одну крону, это значит, что Хенри надо пускать мимо кассы больше денег: приветливо улыбаться покупателю у прилавка, без остановки болтать с ним о погоде или о чём-ещё-болтают, а пальцами незаметно удерживать кассовый ящик. «Всего доброго, до свиданья!» Дребезжащий звон дверного колокольчика, и монеты снова перетекают из кассы в карман. И лежат там, тихие, но всеильные, пышущие возможностями. И вдруг...

Как-то в середине дня, когда Хенри в магазине один, дверь вдруг распахивается, и тяжелой поступью заходят двое из той своры, что издевались над ним, потому что могли. Естественно, эти гады выбрали момент, когда он один. Дождались, чтобы дядя и Сверре Вединг ушли обедать, как делают в этот час все, отчего город полностью пустеет. Хенри чувствует, что его сердце падает куда-то в промежность и дрожит там.

– Вот, значит, где ты прячешься, – говорит один, подходя к прилавку. – И как же ты забрался так высоко, а, пигмей?

Второй охотно ржёт, гы-гы, гы-гы, хлопая ладонью по губам на манер индейцев.

Хенри ничего не отвечает. Нельзя показывать, что от их слов у него огнём горят все внутренности. Старший из парней хватает крюк, которым поднимают повыше велосипеды для починки. А потом перепрыгивает через прилавок. Хенри вырывается, но второй хватает его за руки и крест-накрест

прижимает их к прилавку, так что Хенри невольно утыкается лицом в него же.

– Что вы делаете? – спрашивает Хенри в отчаянии.

– Помогаем пигмею подняться повыше, – отвечает тот, что стоит у него за спиной, растягивая последнее слово, потому что одновременно он тащит на себя крюк, выбирая протянутый через шкив на потолке тонкий канат. Хенри чувствует, как что-то пропихивают в шлёвки его брюк. Холод металла под рубашкой. Пальцы, которые что-то закрепляют. Верёвка касается тела, сухая и обжигающая, как наждак.

Парень перед прилавком отпускает руки Хенри, секунда свободы... а затем мерзавцы начинают тянуть верёвку. Брюки врезаются в промежность, и Хенри, раскачиваясь, скользит вверх, прилавок и касса сжимаются в размере, и он зависает под потолком, на высоте нескольких метров.

– Как тебе видок оттуда? – спрашивает один из парней.

Хенри молчит. Хоть этой радости он им не доставит.

– Ну-ка, петрушка, подёргайся! Давай-давай! Да ты не бойся, сейчас кто-нибудь придёт и сжалится над тобой. А если обделаешься, то и подгузничек поменяет, – кричит второй. Он закрепляет крюк на стене, и глаза его блестят от радости и смеха. А потом они оба направляются к выходу.

Звякает колокольчик, блондинистый оборачивается, кричит «Спасибо, хорошего дня!», дверь хлопает, по грязи чавкают, удаляясь, шаги.

Хенри тихо болтается под потолком, молчит.

Сколько ему так висеть, пока его найдут? И что он скажет нашедшим? И переживёт ли, что весь Левангер будет перешёптываться-перемигиваться на его счёт? Чёрт бы побрал этих засранцев! И травлю, и издевательства! И что ж они никак не отстанут, не уймутся, думает Хенри; он пытается повернуться, но не достаёт до каната, верёвка только глубже врезается в спину и жжёт, почти прожигает насквозь. Им овладевает отчаяние, подступают слёзы, но он отказывается плакать. Фиг я вам доставлю такое удовольствие, думает Хенри и стискивает зубы, широко раскрывает глаза и тяжело, глубоко дышит через нос, прогоняя слёзы. Он им отомстит. Как же он им, прости господи, отомстит! Он фантазирует, переписывает случившееся. Вот они входят, его мучители, такие же мерзкие, как на самом деле, но продолжение он в своих грёзах меняет: когда они наваливаются на прилавок, Хенри удаётся остановить их. Он расправляет плечи и взглядом заставляет их замереть. «Обалдели?! Вы что делаете?! – кричит он, заметив, что они теряются. – Если вы ничего не покупаете, проваливайте! Нечего тратить моё время! Понятно?!»

Хенри улыбается, он так и видит, как они неуверенно переглядываются, не в силах решить, что ж делать теперь, когда всё пошло по кривой, не так всё им рисовалось в их планах. Один из них хватает Хенри за грудки, но он проворно выворачивается. И стремительно, как в кино на убыстрённой перемотке, отводит локоть, замахивается и с ходу вмазывает

обидчику кулаком в нос. Сильно и метко. Сшибает с поганца спесь, и тот, весь в слезах, ошарашенно валится назад, прижимая руки к лицу. Его товарищ пытается ударить Хенри, но он уклоняется – нет! – он хватает с прилавка пепельницу, хрустальную пепельницу, полную сплюснутых окурков, и вмазывает ею нападающему по скуле! Удар такой силы, что он крошит кость, рассекает сухожилия, а зубы и окурки летят во все стороны. Какое же наслаждение, чёрт возьми! Какой восторг смотреть, как эти подонки, повизгивая и харкая кровью, сплёвывая выбитые зубы, ползут прочь, не в силах ударить его ни кулаком, ни ногами.

Теперь остаётся только перепрыгнуть через прилавок. Элегантный, аккуратный прыжок, и вот он уже берёт их за шкурки, тащит к двери и вышвыривает вон, как маленьких непослушных засранцев.

Время, место – всё исчезает, пока он улаживает себя этими мечтами, проигрывая сцены в голове снова и снова, с небольшими вариациями. Стоит ему шевельнуться, как брюки сильнее вгрызаются в мошонку, верёвка рвёт кожу под мышками и на боках. Сколько времени он провисел под потолком, бог весть, но дверь вдруг распаивается. Взглянув вниз, Хенри видит, что пришёл покупатель, мужчина в возрасте. К счастью, не из постоянных клиентов, так что Хенри не придётся всё время встречаться с ним, каждый раз заново сгорая от стыда за своё унижение.

– Господи, что случилось? – ахает мужчина и устремляет-

ся за прилавок, чтобы отвязать канат.

– Балуюсь! – смеясь, отвечает Хенри и рассказывает незнакомцу, что у них с друзьями такая шутка в ходу и что они вот-вот вернутся. Ему удаётся убедить в этом покупателя, и он находит в себе силы смеяться и болтать, пока тот спускает его на пол. Встав на ноги, Хенри вешает канат на место и быстро, пока не пришли другие покупатели, собирает весь нужный пожилому мужчине товар.

Потом он ворует деньги из кассы, берёт больше, чем обычно, потому что сообразил, что кое-кто может ему помочь. Человек, который торгует запрещёнными товарами и, как говорят, может добыть что угодно, только заплати.

Скоро возвращается дядя, спрашивает, как дела, и удаляется в контору заниматься новыми заказами, курить и читать газету.

Заходят ещё покупатели, им нужны мячи, насосы и гири, и Хенри натиривает ещё немного. Суёт деньги в карман брюк. Снимает халат, вешает его, кричит дяде «Пока!» и запирает магазин.

Спустя несколько часов он покупает пистолет.

В как Вывеска сельской кафешки на дороге из Осло в Тронхейм, в глубине соснового бора. Гершон увидел её и вдруг не удержался, свернул по ней. Не сказать, чтоб ему страшно хотелось есть, но едут они уже довольно долго, а когда им встретится следующее заведение, неизвестно. Маши-

на тормозит, и голова Эллен падает на грудь. Эллен разлепляет глаза и смотрит на него. Яннике по-прежнему спит, положив головку на материнские колени... закрытые глазки, крупные чёрные кудри, пухлые, мягонькие щёчки. Удивительно, что я женат на Эллен, думает Гершон. Что мы познакомились, стали парой и поженились. Я и Эллен. Напророчь мне кто-нибудь такое до войны, я б ни за что не поверил, а вот поди ж ты. Она очень красивая, да к тому же из очень хорошей семьи. Безусловно денежной, с табачной фабрикой на Торг-гатен и летней виллой, с машинами, шофёрами и портнихами. Эллен рассказывала, сколько в доме было картин и разного антиквариата, не говоря уж об огромном рояле, на котором она играла каждый день, пока им не пришлось бежать. В войну почти всё пропало, это да, однако остаётся надежда хоть что-то вернуть. Впрочем, выбор у каждого из нас был небольшой, думает Гершон под хруст гравия под шинами, потому что среди беженцев в Швеции выбирать было особенно не из кого, а за пределами их поселения он уж тем более никому был не нужен. Еврей, беженец из Норвегии, кого заинтересует такой жених? А его мать рьяно взялась за дело и без устали сводила их с Эллен, то приглашая ее семью на чай, то придумывая им совместные дела. Грета, близняшка Эллен, уже завела поклонника, а Эллен была свободна. Они походили-походили, схороводились и стали парой.

Его мать не смогла скрыть разочарования, когда после

войны они наконец сумели вернуться в Норвегию и выяснили, что от огромного состояния семьи Эллен осталась лишь жалкая толика. Иногда Гершон представляет другую жизнь, видит себя в университете, покоряющим вершины науки, вспоминает победу в математической олимпиаде, но тут же гонит картинки прочь... потому что это другая жизнь и она не может стать моей, думает Гершон. Война что только не порушила, ему грех жаловаться, он выжил. Его не отправили ни в концлагерь на борту «Донау», ни в Фалстад, как многих других. Он выжил, не ранен и не изувечен и живёт, что ни говори, совсем неплохо.

– Где мы? – спрашивает Эллен.

– Я решил, что пора остановиться и поесть, – говорит Гершон, по-прежнему сидя к ней вполоборота. Эллен кладёт руку дочке на щёку и убирает прядку волос.

– Отлично, – говорит она с тёплой улыбкой, сейчас она прямо красавица, глаза сияют. Открытая и доверчивая. Гершон чувствует укол совести, надо всё-таки наконец рассказать ей, в какой дом они едут.

– Эллен...

– Да? – мечтательно отвечает Эллен и поднимает спящий у неё на коленях живой свёрток. – Что?

Гершон мотает головой и смотрит на дочку, она такая красивая, такая безгрешная, такая чистая.

– Золотко моё, пора просыпаться, – говорит Эллен. И его дочка глубоко, в несколько толчков, вздыхает, как будто сон

был погружением под воду, из которой она теперь высунула голову, лишив Гершона возможности рассказать о доме.

В как Вольфсон, девичья фамилия твоей жены и фамилия другого узника Фалстада, Давида Вольфсона. У него тоже есть свой камень преткновения, он вмонтирован в тротуар около его квартиры, в которой была первая штаб-квартира риннановцев.

В как Воспоминания. По вечерам лагерь смолкает, ты лежишь в тишине на нарах с закрытыми глазами и вызываешь в памяти лица своих дорогих и любимых.

В как Вермахт, Wehrmacht в немецком написании, две стрелки буквы V наложились друг на друга, как струи пота, который заливает глаза в каменоломне в душный летний день, или когда от изнеможения и усталости у тебя двоится в глазах.

Г

Г как Геноцид.

Г как Гранада. Город в горах Испании, до которого в 1066 году от моря было несколько дней пути. Здесь случился один из первых – после преследований евреев в Римской империи – погромов. В тот год маврами были убиты, заколоты и зарезаны четыре тысячи евреев, а оставшиеся подверглись притеснениям, и это стало началом гонений на евреев.

Г как Гестапо.

Г как Герхард Флеш, звучит как английское *flesh*, означающее «мясо» и «плоть», но является фамилией нового главы Службы безопасности в Центральной Норвегии. Ты несколько раз видел его в Фалстаде и замечал, что в присутствии Герхарда Флеша солдаты всякий раз нервничали и вели себя жестоко. Превращались в беспощадную, дуболомную версию самих себя, опасаясь гнева офицера в случае, если они дадут слабину или проявят сочувствие и человечность.

Выглядит Флеш как обычный функционер: тонкие волосы, ясные, дружелюбные глаза, и это никак не вяжется с тем, что он творит, – с беспричинными избиениями ногами, кулаками или с внезапными казнями. Такой припадок ярости случился с ним рано утром накануне твоей казни.

Г как Гвалт в столовой, когда узники со стуком расхватывают ложки и вилки, чтобы через секунду самозабвенно погрузиться в процесс еды.

Г как Гершон.

Г как Голуби, они летают над Фалстадом, иной раз вытягиваясь в небе над полями в танцующий волнообразный строй.

Г как Гул, Гомон и Голоса, которые доносятся до твоей камеры, когда лагерные охранники, свободные от смены, напиваются и гуляют за полночь. В голосах появляется лёгкость, и звучит смех, заставляя тебя вспоминать детство, когда у родителей бывали гости и ты вот так же, лёжа в кровати, прислушивался к голосам взрослых, а они звучали иначе, чем обычно, веселее и звонче.

Так же и немецкие охранники. Иной раз ты ухватываешь суть анекдота и улыбаешься, почти произвольно, а потом отворачиваешься к стене и проваливаешься в сон.

Г как Гавань для подводных лодок, «Дора», которую Гитлер планировал соорудить в Тронхейме. Немцы не успели её достроить, но через несколько лет после войны, по достоинству оценив крепость стен, бетонную громаду переделали в госархив. Я параллельно изучал историю «Доры», детство

Риннана и разбирался с загадками семейной истории. Почему забрали именно тебя? Только из-за того, что ты пересказывал новости Би-би-си? Или было что-то ещё? Да и как вообще стало известно о Би-би-си?

Г как Гулянки молодёжи, как Голод плоти и как недо-ступное самому Хенри умение Глядеть фертом – развязно, с уверенностью в своём праве бестрепетно подойти на танцах к девушкам и начать болтать с ними, нимало не беспокоясь, а не получишь ли ты от ворот поворот. «Как им это удаётся?» – всякий раз думает Хенри, топчась в заднем ряду большой смешанной компании и с завистью наблюдая, как его приятели ловко проделывают этот трюк. Как им удаётся представлять себя такими тёртыми калачами, бывалыми и ко всему безразличными? У самого Хенри кишка тонка навязываться девушкам. Хотя он тоже общается с ними, он их шофёр; в их компании ни у кого больше нет прав, а уж тем более им негде взять машину, чтобы съездить на танцы или поколесить по улицам в поисках развесёлой гулянки, поэтому Хенри сперва отвозит их на танцы, а потом доставляет домой, вот как в эту субботу.

Время позднее, вечер удался. На заднем сиденье парни наперебой хвастают своими победами, но Хенри не вслушивается в их разговор. Он втопливает педаль и чувствует, что машина прибавила скорости, из-под колёс летит гравий.

Каждую пятницу и субботу они едут в новое место. Ми-

мо проплывают дома и люди, а в машине бурлит полноводной рекой радость, предвкушение и дружество. Хотя сами места меняются, атмосфера везде одинаковая. Свет и музыка, которые льются из дверей клуба или дома культуры им навстречу, везде похожи, а уж тем более витальность, и тяга к женщине, и возбуждение, и влечение, и юность. Даже подвыпившие мужики во всех городках и деревнях одинаково ковыляют нетвёрдой походкой по высокой траве. И одинаково хихикают, сбившись в стайку, девицы с мудрёными причёсками и в летних платьях, так туго подогнанных, что тонкая ткань чуть не лопается на груди и бёдрах. И одинаково возбуждены и ненасытны парни.

Они обнимают этих девушек за талию и уводят с собой, каждый раз.

Он бы всё отдал, чтобы рука, которая беззастенчиво ложится на прикрытую тонкой тканью спину, а потом скользит вниз, ощупывая все части тела, была его рукой. И ничего бы не пожалел, чтобы это к нему, а не к мужчине вон у той стены она обернулась и посмотрела прямо в глаза. И чтобы его губы впились в её, когда она откидывается назад и позволяет себя целовать.

Но это всё мечты из разряда невозможного. Нет смысла даже заходить вовнутрь в танцевальный зал, потому что кто станет танцевать с коротышкой, чьё лицо утыкается тебе в грудь? Кому хочется замирать от неловкости и гореть от смущения из-за партнёра на голову ниже себя? Собствен-

ный рост пришибает его. Заставляет парковаться рядом с танцклубом, но не выходить из машины, а когда остальные спрашивают, чего это он, то Хенри закатывает глаза и говорит, что одна дама тут неподалёку уже ждёт его на свидание. И когда все торопливо убегают в зал, Хенри уезжает.

Иногда он останавливается на какой-нибудь обочине и там ждёт. А иногда просто бесцельно катается по окрестностям.

Но в его фантазиях всё выглядит иначе.

В фантазиях гравий хрустит под колёсами, когда Хенри заруливает во двор перед белёным домом, стоящим рядом с красным амбаром, который облеплен с одного боку кустами малины. Лампа на стене опустила голову, и в жёлтом свете мельтешит мошка. Хенри стучит в дверь и, пока идут секунды, привычным движением закусывает перчатку на пальце и стягивает её с руки... потом вторую, а потом отработанным жестом истинного сердцееда суёт их в карман пальто. Дверь открывает женщина, живущая в доме. Она почти всегда похожа на Грету Гарбо, только ростом пониже. Хенри пересматривал фильмы со шведской актрисой столько раз, сколько мог, водил пальцем по её лицу на плакате, а когда никто не видел, то и по груди, по животу и ещё ниже, там, где расщелина, занавешенная облегающим платьем. Грета Гарбо тоже вышла из бедноты, из ничего, а посмотрите, кем стала! Всемирно известная светская дама, изысканно одетая, неизменно элегантная и чувственная, как в фильме «Мата Хари»,

где она играет шпионку, которая соблазняет мужчин своими танцами и выведывает у них информацию до тех пор, пока её в конце концов не расстреливают. Ужасная сцена, она разрывает сердце, но, к счастью, погибла только героиня фильма, а не сама актриса, поэтому Грете Гарбо ничто не мешает появляться и в других фильмах, и в его фантазиях в роли женщин, к которым он врывается, отвезя ребят на танцы.

Одинокая женщина в уединённом доме улыбается дразняще и протягивает Хенри руку. Тёплую, мягкую, хотящую. Иногда они делают это в прихожей, прямо у дверей, она задирает платье на живот, раскачивается на каблуках. А в другие разы она тащит его в спальню и расстёгивает пуговицы на своей блузке. Он гладит её грудь через бюстгальтер. Смотрит, как она обнажается, снимает с себя вещь за вещью, у него на глазах, пока не остаётся голой.

Эти видения настолько реальны, что, случается, он запускает руку в штаны и трогает себя, сидя в машине, притулившейся на опушке леса, сначала гладит, ощупывает, но потом убыстряет темп, сжимает всё сильнее, всё резче и ритмичнее, пока очередная похожая на Грету Гарбо женщина раздвигает перед ним ноги в кровати, разметав по подушке копну белых волос, и там, в кустах рядом с машиной, он входит в неё, в её мокрое, влажное нутро, наяву он так ни разу не пробовал, однако жар сладострастных импульсов всё усиливается, и семя наконец выстреливает в темноту, на ветки и листья, и выдёргивает Хенри из грёз. Внезапно он снова

оказывается на обочине, в кустах, со спущенными до колен штанами. Трёт руки о траву и листья. Ищет ручей или лужу, чтобы смыть с ладоней липкую слизь, подносит руку к носу, обнюхивает со всех сторон, чтобы убедиться, что запаха не осталось, проверяет, как там под ногтями, смотрит, который час, и садится ждать дальше.

Другие парни только диву даются, у них челюсть отваливается от удивления и зависти, когда Хенри рассказывает о своих свиданиях со взрослыми опытными женщинами. Пока они едут в темноте домой, Хенри живописует постельные подробности так реалистично, что усомниться в его правдивости попросту невозможно. Вот и в эту пятницу он тоже в ударе. Они едут из Намсоса, Хенри только что в красках доложил о своей последней победе и видит, как ребята взбодражены его рассказом, как завидуют ему, им-то самим удалось лишь пообжиматься, ну максимум поцеловаться с кем-то.

Высокая трава на обочине мерцает в золотистом свете фар. Парни на заднем сиденье гомонят и ржут, перебирают подробности вечера, делятся мелкими деталями, с торжеством произносят имя девушки, а потом, при всеобщем внимании, дают ей короткую оценку, скажем, прикидывают размер груди, и снова хохот и болтовня.

Им хорошо и весело, отлично просто, но ему, тому, кто за рулём, от их разглагольствований никакого удовольствия. Наоборот! Они хвастаются только что пережитым, а до Хен-

ри им дела нет, он опять вне их круга, хотя не видать им Нам-сосу как своих ушей, если б он их не повёз, он один с машиной, а вот поди ж ты, кричат, как стая попугаев, и даже не думают о Хенри, не включают его в разговор, как будто он у них шофёром работает!

Ну погодите, решает Хенри, сейчас я вам покажу. *Если моё дело только машину водить, тогда я развлекусь чуток.* Он крепче сжимает руль, отчего сильнее натягиваются шофёрские перчатки, купленные им за свои деньги. Кожаные перчатки с прорезьями на костяшках, как у гонщиков. Они сидят на руках точно влитые, когда Хенри в них, он даже чувствует себя иначе. Сейчас он пригибается к рулю и жмёт на газ. Слышит, с каким трудом справляются цилиндры с нарастающими оборотами, дёргает ручку и переключает передачу. В свете фар мимо пролетают кусты, колотясь время от времени о бок автомобиля. Смех за спиной смолкает. Он видит, как улыбки исчезают с лиц парней. Грунтовая дорога жёсткая и ухабистая, колёса попадают в рытвины, выбитые дождём, машина дёргается от каждого такого удара.

– Хенри, потише давай! – говорит один из приятелей, обычно он у них командует, этот любитель побалагурить, но сейчас он сжался и схватился обеими руками за подголовник. – Мы разве опаздываем?

Хенри улыбается ему в зеркале и видит страх в его глазах. – А что такое? Ты боишься? – спрашивает Хенри и сильнее давит педаль газа, отчего машину заносит на поворотах

и пассажиры валятся друг на дружку.

Он едет быстрее, ещё быстрее.

Приятель не отвечает. И никто больше ничего не говорит. Парни просто откидываются назад и цепляются за что могут. Стрелка спидометра ползёт вправо, впереди долгий ровный участок, отличная возможность проверить, как быстро умеет ездить эта машина, думает Хенри, добавляя газ. И видит что-то в свете фар. Два горящих глаза, вроде бы кот, нет, заяц, он сидит прямо посреди дороги. Пушистая цель, внезапный приз, как плюшевый мишка в тире.

– Смотрите, парни, рагу из зайчатины! – кричит Хенри и втапливает педаль в пол.

– Хенри!!! – вскрикивает парень на переднем пассажирском месте, который обычно молчит как убитый, но Хенри не отвечает, он навис над рулём и гонит авто вперёд – две секунды восторга, скорости и напряжения, пока рычащая машина мчится на пушистого зверька, в изумлении застывшего на дороге.

А затем...

Заяц отпрыгивает в сторону, прямо в растущие вдоль дороги кусты, ну нет, думает Хенри, этого я ему не позволю, он от меня не уйдёт, ещё не хватало, хрен он меня обдурит, думает он и выворачивает руль, метит в нужное место и надеется, что справится.

Всё происходит очень быстро.

Заяц исчезает из света фар.

Парень сзади вопит:

– Хенри!

Машина скатывается в кювет и переворачивается.

Грохот, хлопок сбоку, и вот он уже прижат лицом к двери.

Колени засыпаны осколками, на лобовом стекле огромная трещина.

Кто-то стонет. Матерится.

Хенри моргает несколько раз. Грудь болит от удара о руль.

Болит рука, на которой он лежит, притиснутый к двери, но он жив и может шевелить и руками, и ногами, значит, никакой катастрофы не произошло и теперь важно только сохранять спокойствие. И не думать, как он будет объясняться с дядей и показывать ему повреждения, об этом сейчас думать не надо, иначе всё рухнет, он должен просто вести себя как ни в чём не бывало. Хенри поворачивает голову, смотрит на парня на соседнем сиденье, у того тоже осколки на коленях и в складках рукавов, и он закрыл лицо руками.

В машине кровь.

– Эй, живые сзади есть? – спрашивает Хенри делано бесстрастным тоном, немного залихватски даже, но в ответ слышит только бормотание и стоны.

– Вот чёрт, никакой нам зайчатины, – бормочет Хенри, опуская окно.

Дверь, к счастью, не перекосило и не заклинило, ему удаётся полностью опустить чудом уцелевшее стекло и выползти наружу. Следом вылезает сидевший рядом парень, кровь

из его носа капает на дверцу.

Хенри встаёт и смахивает со штанов стёклышки.

Из машины с трудом выбираются двое остальных.

Один стиснул зубы и баюкает руку, будто она сломана.

– Вот гад этот заяц! – ругается Хенри. – Какого чёрта он спрыгнул с дороги, когда я почти его нагнал?

Парни пялятся на него, не веря своим глазам.

– Чего стоим тарачимся? – кричит Хенри. – А кто будет мне помогать? Давайте поднимем её на дорогу!

Он подходит к водительской дверце и берётся за неё. Его спутники растерянно тащатся к багажнику и там выстраиваются. Что-то рабское появилось у них в глазах, они словно бы не решаются ничего делать, пока Хенри их не попросит. Они тянут, когда он командует «Взяли!», и отдыхают, когда он говорит «Вольно!», и толкают с удвоенной силой, когда он кричит на них; машина поднимается по насыпи, остаются последние сантиметры... наконец она встаёт на дорогу.

Все садятся в неё. Молча. Мотор заводится. Хенри оборачивается и просит внимательно его выслушать. Ему важно, чтобы никто из них не доложил Сверре Ведингу, из-за чего произошла авария, потому что тогда прощай и работа, и катания на машине, он снова окажется за бортом компанейской жизни.

– А теперь я вам объясню, что произошло, – говорит Хенри тихо и обводит их взглядом: все слушают внимательно. –

Не было никакого зайца. НЕ БЫЛО, И ВСЁ. Так?

– Ты имеешь в виду... – начинает один, но Хенри строго смотрит на него, буквально испепеляет взглядом, как делают герои всех виденных им фильмов, когда им надо взять ситуацию в свои руки.

– Слушайте внимательно. Нам навстречу нёсся другой автомобиль. На огромной скорости. Так что мы ничего не увидели, кроме слепящих огней. Придурок, который вытеснил нас с дороги, даже не остановился, хотя наверняка видел, что мы съехали в кювет. Вот что произошло на самом деле. Вы поняли?

Они смотрят на него, как бараны, словно понять сказанное им невероятно сложно.

– Я спрашиваю: вы меня поняли? – повторяет он вопрос, на этот раз громче, и все трое кивают и блеют:

– Да, Хенри Оливер.

Никто не решается ему возразить. Невероятно, думает он. С лиц сорваны бравада, мужественность и взрослость, и внезапно насмерть перепуганные детишки что-то лопочут, стоя перед отцом.

Д

Д как Донос.

Д как Допрос.

Д как Депортация.

Д как Драма и как Дата, как Двенадцатое января сорок второго года, когда Мария Комиссар звонит Гершону и с дрожью в голосе говорит:

– Они забрали твоего отца.

Д как Долины с виноградниками, которыми ты, бывало, любовался из окна поезда, когда до войны ехал по Германии отсматривать новые коллекции платьев или на переговоры с оптовиком.

Д как Добрые охранники в лагере. Такие смотрят сквозь пальцы, когда пленным передают сигареты и еду с воли, и отворачиваются, когда видят нечто запрещённое. Точно дети, которые сразу чувствуют, с каким взрослым можно пошутить, а с кем шутки плохи, заключённые быстро научаются замечать микроскопическую разницу в мимике и интонации охранников. Различать, кто из них оказался здесь в силу убеждений и собственного желания, а кто отбывает повинность, облачённый в форму, которая с такой же вероят-

ностью могла бы оказаться докторским халатом или сутаной пастора. С примерами такого добродушия ты сталкивался только в чужих рассказах. Вот якобы один заключённый хотел пронести в лагерь, возвращаясь с работ, еду, ему передали её местные. И как раз в воротах тряпица, куда он всё запаковал, развернулась, и бутылка молока и кусок копчёного мяса выпали на землю. А охранник только улыбнулся и на секунду отвернулся, этого хватило, чтобы арестант всё подобрал и снова спрятал.

Д как Дача в горах за Тронхеймом, в которой оказался телефонный аппарат в пластиковом корпусе с выдавленной на нём эмблемой компании «Электрическое бюро».

12 января сорок второго года, Гершон только вернулся с лыжной прогулки, на нем ещё походные нансеновские бриджи и шерстяная фуфайка, рядом в гостиной шумят его друзья. Все они студенты, никто не связан постоянными отношениями, и воздух в комнате пропитан смехом и полон сигаретного дыма, он обволакивает пропотевшие свитера и лица, на которых написано вожеление... точнее, воздух *был* полон всего этого, пока в коридоре не затрещал телефон и хозяин домика не крикнул Гершону, что звонят ему. Какой-то абсурд: и что в домик кто-то провёл телефон, в эту вот хижину в горах, и что он работает, и что Гершону сюда звонят.

Беседа смолкает, вряд ли Гершона отыскали здесь из-за

пустяка.

– Они забрали твоего отца, – шепчет в трубке мать.

Слова не доходят до его мозга, только сбивают с толку, и он молча таращится на эмблему на телефоне.

На полу выстроились в ряд лыжные ботинки, у них чёрные плоские носы, как у утконоса. На некоторых ботинках шнурки до сих пор облеплены льдом, он потихоньку подтаивает.

– Гершон, ты тут?

– Да, тут... Когда это случилось?

– Утром. Они позвонили и сказали, что он должен явиться на допрос в «Миссионерский отель».

– В чём его обвиняют?

– Я не знаю. Зачем только мы вернулись из Швеции?! – отвечает мама, и он слышит, что она сейчас разрыдается.

Дверь распаивается, с полным ведром снега – топить воду – входит ещё один парень, он улыбается во весь рот, но улыбка гаснет, как только он замечает тишину в гостиной.

– Скрыться он не может? – спрашивает Гершон тихо.

– Он не хочет из-за меня, я же в больнице. И из-за вас, – отвечает она, и Гершон слышит, как слёзы сгущаются у неё в горле.

– Якоб знает?

– Да. Он вообще не в себе, отец сам ему позвонил.

Он слышит, что мама отодвинула трубку подальше от рта, чтобы не рыдать прямо в неё.

– Я еду! – отвечает Гершон. Он кладёт трубку и поворачивается к товарищам, они смотрят на него тревожно и вопросительно.

– Что случилось? – спрашивает кто-то.

Гершон по-прежнему держит трубку в руке. Жар кипит в нём, покалывает щёки.

– Отца забрали немцы.

– Почему? – спрашивает девушка со светлыми волосами.

– Не знаю. Мне надо домой... простите.

Гершон быстро пихает одежду в рюкзак. Видит, что в глазах приятелей смех и жизнерадостность сменяются сочувствием, стыдом и смятением. Ему кажется, они рады, что он решил уезжать, нет, наверняка они его жалеют, но в глубине души им неловко с ним рядом и хочется избавиться от него, раз он сам теперь воплощение того мрака и тяжести, ради забвения которых хоть на время они и уехали в этот домик.

Я должен был знать, что этим кончится, думает Гершон, заталкивая в рюкзак последний свитер. Они должны были знать, что этим кончится, что это рано или поздно случится, думает он, распрямляется, целует на прощание девушек, жмёт руки парням и благодарит всех за отличный поход. Хозяин домика отвезёт его в город и вернётся.

Гершон относит вниз, в машину, рюкзак и лыжи. И всю дорогу до Тронхейма едет молча, прижавшись лбом к холодному стеклу, проклиная их решение вернуться в Норвегию,

обернувшееся нынешней трагедией.

Им ведь удалось бежать из Норвегии в день её оккупации, в сороковом году. Они мгновенно, в дикой спешке, собрались и помчались на вокзал. Кинули там машину и уехали в Швецию с последним, перед введением контроля пассажиров, поездом. Прошло какое-то время, и из Тронхейма стали приходить вести, что опасности нет, можно возвращаться. Евреи живут нормально, как раньше, главное – не высываться. И они вернулись обратно, в свой Тронхейм, в свою квартиру, в привычную жизнь. Все, кроме его младшей сестры, Лиллемур. Зачем они не остались вместе с ней в Швеции?!

Гершон открывает глаза и смотрит в окно. Земля покрыта свежим снегом, светит солнце, и снежные кристаллы переливаются под ним. Через поле проскакал заяц, оставив ровную полосу следов, она похожа на стёганую ткань в магазине его родителей. Приятель высаживает Гершона как раз около него, и он видит в больших окнах немецких солдат. Мать встречает его долгим поцелуем, её выписали из больницы, хотя она ещё не может стоять. Человек в форме говорит Гершону, что в его съёмной комнатке тоже проведён обыск и теперь его заберут на допрос. Его запикивают в машину, мама что-то кричит вслед, но слов он не разбирает. Куда его везут? Он представляет тюрьму или концлагерь, но машина выезжает из центра и останавливается у здания, где расположилось гестапо. «Миссионерский отель».

Солдаты подталкивают его к дверям, загоняют внутрь, в хаос из солдат, норвежских арестантов и наскоро сколоченных коек.

За спинами арестантов виден молодой человек в сапогах и галифе, коротышка, который в обход иерархии адресуется прямо к начальству. Сначала Гершон обратил на него внимание из-за его малого роста, пристального взгляда и непропорционально большой для такого тела головы, но запомнился он Гершону из-за акцента. Этот человек говорил по-немецки коряво, с большим количеством грамматических ошибок и явным трёнделагским акцентом. Он норвежец.

Д как Да.

Д как Доверие.

Д как Движение Сопротивления.

Д как Дерзкое нападение, как нашумевшее Дело и как Дурашливый, с подначкой, но нарочито бодрый тон, царящий в компании парней, идущих воровать яблоки. Они пасутся на окраине Левангера, среди красивых изгородей из штакетника, золотистого света из блестящих окон и согнувшихся под тяжестью яблок деревьев. Верховодит Риннан.

– Здесь! – шепчет кто-то из парней и тычет пальцем в сторону сада, посреди которого ломится от плодов огромная яблоня.

– Отлично, я на шухере, – отвечает Хенри, достаёт из кар-

мана пистолет и перекладывает его из руки в руку. Остальные тянут головы – поглядеть.

– Пистолет? – шепчет один.

– Это пистолет? – переспрашивает второй.

Остальные обмениваются взглядами, им как-то не очень понятно, что происходит.

– А что ещё это может быть? – насмешливо хмыкает Хенри. – Давайте, лезьте через забор!

И они лезут, неуклюже переваливаются на ту сторону, беспокоясь, как бы не разодрать штаны о незаметный гвоздь, и исчезают во мгле под кронами. Полная тишина, тёмный август, ни души на улице. Прямо как в кино, думает Хенри, только добыча мелковата, всего лишь яблоки. Он стоит на посту, кураж и нервозность бередают кровь, она пульсирует толчками. А вот если представить, что кругом не унылый микроскопического размера район вилл в Левангере, мечтательно думает Хенри, а большой город в Америке? Нью-Йорк там или Чикаго. И они собираются обчистить не сад, а Федеральный банк. Лица спрятаны за карнавальными масками или чем-то таким типа чулка с прорезью, который закрывает всё, кроме глаз, и Хенри басом велит служащим передать им мешок с деньгами и даже не пытаться нажимать тревожную кнопку.

Хенри вглядывается в сад и видит силуэты приятелей, они снуют под деревьями и тянутся за яблоками, но те так упрямо цепляются за ветки, что повсюду стоит отчаянный шорох

и шуршание листьев. Конечно же, распахивается окно и показывается мужская голова.

– Эй, вы чего творите?! – кричит мужик. Хенри инстинктивно вскидывает руку и дважды палит в небо. Выстрелы отдают в плечо, как будто змея дважды кусает. Парни в ужасе сыплются обратно через забор, от страха теряя яблоки, и те раскатываются по дороге. Хенри подбирает одно, чувствует, что волна адреналина проходит по телу, нарастая с каждым накатом, и припускает бегом; сворачивает за угол, снова сворачивает и снова, наконец они в безопасности. Все запыхались, дышат тяжело, с присвистом.

– Ты где его взял? – спрашивает один из парней с нервным смешком и кивает на пистолет.

– С чего бы я стал отвечать на твой вопрос, а? – спрашивает Хенри и откусывает большой кусок яблока. Дробит фруктовую плоть зубами и неотрывно смотрит на спросившего. Проходит секунда. Ещё одна. Парень не отвечает – очевидно, духу не хватает, – а потом Хенри замечает в его лице неуверенность и страх, а в глазах так и вовсе что-то новое: смесь восхищения и уважения. И Хенри в голову ударяет радость.

Неделя за неделей его уверенность в себе растёт, и сам он тоже меняется. Иначе держится и смотрит по-другому, свысока. Становится, должно быть, более заметным и привлекательным, и окружающим эти изменения тоже, очевидно, бросаются в глаза, потому что вскоре после яблочной истории он встречает Клару. Женщину, в мгновение ока изме-

нившую всё.

Д как Доверие и как Действительность.

Д как Добродушное настроение Эллен Комиссар, потому что они наконец доехали до Тронхейма и сворачивают на какую-то симпатичную улочку. Яннике снова заснула на коленях у матери. Машина действует на неё как автоукачиватель, думает Эллен, тряска и рокот мотора мгновенно вгоняют двухлетнюю малышку в сон. Эллен смотрит на деревянные дома, странные, с неидеальной геометрией, милые, очаровательные строения, почти театральные кулисы или домики для кукол, думает она и радуется, начинает радоваться, что жизнь пойдёт с чистого листа. В Осло они не смогли обустроиться на пристойном уровне, но теперь попробуют здесь, и она уже предвкушает, как проинспектирует магазин Марии и ознакомится с модным ассортиментом, благо та работает только с европейским импортом. Эллен мысленно примеряет новую роль: она изменится и тоже станет эдакой хозяйкой жизни, уверенной в себе дамой. Одной из тех, кто может позволить себе наряды из Франции, Германии, Италии. Тут внимание Эллен опять переключается на пейзаж за стеклом, она тянется к переднему сиденью, чтобы лучше видеть, и чувствует, что задела животом дочкину голову.

– Наверно, здесь, да? – показывает она на один из переулков.

Гершон чем-то озабочен, он вцепился в руль, сидит

как деревянный, подавшись вперёд, и хлопает глазами.

– Думаешь, сюда? – спрашивает он напряженным голосом и пропускает поворот. Вот Гершон вечно так, не верит, что на неё можно положиться, что она тоже неплохо соображает.

– Да-да! Нордрегатен сюда! – говорит она.

Гершон, ругнувшись, начинает сдавать назад, он вспотел и слишком торопится, потому что они мешают автомобилю за ними, и в суете ставит ручку между двух передач. Раздаётся резкий рычащий звук, просыпается Яннике и сразу начинает плакать, вероятно, почувствовав, что обстановка в машине напряженная.

Гершон снова дёргает ручку, дёргает слишком резко, и включает задний ход. Поворачивает голову и, смотря поверх Эллен, начинает пятиться, но как-то слишком быстро. Сзади же ещё машина, думает Эллен и тоже оборачивается.

– Гершон! – вскрикивает она, видя, что они того и гляди въедут в чужую машину, её водитель смотрит на них в недоумении, но тут Гершон наконец снова переключает передачу и сворачивает в нужный переулочек. Оба молчат. Увидев выражение лица Яннике, Эллен берёт её за руку и пытается ободряюще улыбнуться.

Гершон паркует машину рядом с магазином. «Париж-Вена» расположен прямо на углу, его большие панорамные окна выходят на дорогу. Эллен сажает Яннике на колени и говорит:

– Видишь? Это бабушкин магазин. Мы сейчас пойдём ту-

да любоваться нарядными платьями.

Яннике откликается на её слова, обнимает за шею и смотрит на неё большими блестящими глазами.

Эллен открывает дверцу. Гершон уже достал зажигалку, он раскуривает сигарету, и они вместе идут к входу.

Внезапно дверь распахивается, и появляется Мария, на ней широкополая шляпа с шёлковой лентой, лёгкая блузка с кружевной отделкой заправлена в обтягивающую чёрную юбку с широким поясом. Она приветствует их элегантным взмахом руки. Вот есть в ней этот аристократический шик, думает Эллен и стряхивает соринки с кофты.

– Добро пожаловать в Тронхейм! – Мария сначала чмокает Эллен, а уж потом обращается к Яннике: – Приехала, дружочек мой?

Яннике отворачивается. Мария, почувствовав сопротивление, долее на общении с внучкой не настаивает, а спрашивает Эллен:

– Как доехали? – и тут же поворачивается к ней спиной и распахивает дверь, не ожидая ответа. – Как же хорошо, что вы в Тронхейме!

Эллен находит глазами Гершона и чуть качает головой, но он не ловит её сигнал. Слишком притерпелся к материнской манере общения, чтобы замечать такие мелочи. Они заходят внутрь, и Эллен говорит себе, что сейчас не время досадовать из-за утомительной поездки и свекрови, которой она не очень-то интересна, а лучше спокойно рассмотреть

магазин, он и в самом деле поражает воображение. Эллен идёт вдоль полок и вешалок, гладит пальцами ткань. Шёлк, шифон, шерсть. Красиво блестящие пуговицы. Сокровищница, да и только. Теперь у Гершона будет постоянный заработок, думает она, это стоит цены, которую она платит, – переезда из Осло и расставания с родителями и сестрой-близняшкой Гретой. Они с ней всегда жили в одном городе, занимались одним делом, всё делили на двоих. Сроду не расставались больше чем на несколько часов. А теперь будут жить в разных городах.

– А ну-ка, – говорит Мария и достаёт из-под прилавка бутылку портвейна и три маленьких бокала. – За это нужно выпить!

– Спасибо, мама, – кивает Гершон и берёт у матери бокал. Косится на Эллен, словно испрашивая у неё разрешения пригубить вина. Эллен тоже берёт бокал. Они чокаются, она отпивает глоточек и сразу чувствует тепло во всём теле. Яннике выворачивается из её рук, хочет на пол, и Эллен отпускает её.

– Да! – говорит Эллен. – Вот мы и здесь: с работой, ребёнком, а скоро и с домом! – продолжает она, но с Гершоном творится что-то странное. Он часто моргает и облизывает губы.

– Да, нам повезло, – говорит он каким-то слишком уж ровным голосом.

– Что правда, то правда, – откликается Мария, её бокал

звякает, когда она ставит его на прилавок. – Конечно, помог-ло, что спрос на дом был не особо большой, из-за его исто-рии.

Эллен растерянно смотрит на Гершона. Что ещё за *исто-рия*?

– Зато благодаря ей у вас будет роскошный дом за разум-ные деньги, – заключает Мария.

– Что за история? – спрашивает Эллен.

Изумленная вопросом Мария смотрит на Гершона.

– Ты что же, ничего не рассказал?

– Чего не рассказал? – спрашивает Эллен.

– Историю дома.

Яннике ползёт по полу, стремясь к вешалке с платьями, Эллен вскакивает и подхватывает её на руки.

– Что ещё за история? – спрашивает она Гершона, кото-рый уставился в бокал и крутит его за ножку.

– Есть причина, почему дом стоил так мало, – говорит он наконец.

– Какая? Он в плохом состоянии? Что с ним не так?

– В нём в войну квартировала банда Риннана, – объясняет Мария.

Эллен чувствует, как встопорщиваются волоски у неё на руках. На миг отвлекается, потому что Яннике рвётся на свободу, вертится и топчет мать, чтобы снова вырваться на простор и исследовать магазин дальше.

– Хенри Риннан? – спрашивает Эллен. – Они... Это был

их дом, банды Риннана? И мы... мы будем жить там?

– Да, моя хорошая, – отвечает Мария с улыбкой. – А как бы иначе вы смогли позволить себе виллу с садом в Верхнем Сингсакере?

Д как Домашняя утварь, детская одежда, дуршлаг, дырокол, диванные подушки и прочее – несколько дней после переезда все вещи стояли нераспакованными, в коробках и ящиках, точно им надо было пообвыкнуться здесь, прежде чем решиться вылезти из заточения и обрести постоянное место в новом доме.

Д как Доходяга, потому что в лагере каторжный труд потихоньку, день за днём, высасывал из тебя силы и энергию, куда ты не дошел до мысли, что пропади оно всё пропадом, да и самому тоже лучше пропасть поскорее. Лечь на землю, прижаться щекой к сору, сосновым иголкам, земляному духу. И лежать, расслабив наконец все до единой мышцы, закрыв глаза и не обращая внимания на крики охранников. И на тычки по рёбрам, и на других узников, которые пытаются поднять тебя на ноги. Просто лежать и чувствовать, как призывает тебя сыра земля, как тянет тебя лечь в неё и стать ею, признать, что не бегать надо от смерти, а, наоборот, принять её с распростёртыми объятиями, поскольку смерть – самая быстрая и короткая дорога прочь из концлагеря.

Д как «Достопримечательность», международный символ, который рисуют на указателях, – верёвочный квадрат с петлями по углам, аллегория всей мировой истории, которая тоже закручивается вокруг себя же, повторяя и узоры, и мотивы. Любовь, вождение, обладание, ненависть. Смех, радость, страх, гнев. Влюблённость, страсть, болезнь, роды.

Таким знаком обозначен и лагерь для военнопленных Фалстад.

Он в часе езды на машине на север от Тронхейма, я добираюсь туда на такси погожим октябрьским днём, тёплым, хотя уже середина месяца. Повсюду поля, узкая сельская дорога с пунктирной отсрочкой с каждой стороны, кажется, что великан взял пилу и выпилил дорогу из ландшафта.

Двухэтажное кирпичное здание, выкрашенное в жёлтый цвет, замкнутый четырёхугольник с въездной аркой и башней с часами над ней. Красивое здание, первоначально спланированное под нужды интерната для умственно отсталых и потому построенное подальше от ближайшего города. На берёзе в атриуме, между крыльями дома, все листья жёлтые, и многие уже опали.

Конвой провёл тебя мимо этой берёзы тем октябрьским утром: сперва через внутренний двор, потом под арку, а потом погнал по дороге в заболоченный лесок неподалёку. Встало солнце, подсветило жёлтые листья. Подсушило кору на берёзах, заставило заблестеть капли росы. А тень берёзы

ползла по двору, как часовая стрелка по циферблату, пока не пришла темнота и не затопила всё, что встретила.

Несколько часов спустя во двор ввели новую колонну пленных, ряд за рядом. Некоторые шли, уставившись прямо перед собой, чтобы не спровоцировать охранников, другие сторали от желания понять, куда они попали. Одним из них был молодой человек по имени Юлиус Палтиэль, в будущем ему предстояло войти в семью Комиссар: он женился на Вере после её развода с Якобом. И в одной из книг, созданных им в соавторстве с Верой, Юлиус Палтиэль описывает сцену во внутреннем дворе, где растёт берёза.

Дело происходило в октябре сорок второго года, теб-бя уже расстреляли, Юлиус с ещё несколькими заключёнными находился во внутреннем дворе, когда вдруг один из охранников велел им убрать опавшие листья. «А грабли есть?» – спросил кто-то из заключённых. Вдоволь насмеявшись, немецкий солдат велел всем встать на четвереньки и собирать листья ртом. Юлиусу Палтиэлю пришлось ползать по двору. Зарываться лицом в листву и ощущать во рту и на языке мерзостный вкус подгнивших листьев. Следить, чтобы на лице сохранялось выражение серьёзной сосредоточенности. Наклонил голову – выплюнул листья. Пополз назад, наклонил голову, снова зарылся лицом в листья.

Юлиус Палтиэль пережил Фалстад и был отправлен в Осло, где его посадили на поезд, направлявшийся на юг, в концентрационный лагерь.

Он пережил это путешествие на поезде через Европу.

Он пережил три года Освенцима и марш смерти через Чехию в Бухенвальд. Он и ещё несколько человек сумели спрятаться, когда других евреев расстреляли. Он пережил разочарование, когда его не освободили вместе с другими заключёнными в марте 1945 года, и ему пришлось ждать до мая, пока их не спасли американские войска.

Я познакомился с ним пятьдесят с лишним лет спустя на обеде у Гершона, и более всего мне запомнилось общее впечатление от этого человека, одного из тех совсем немногих, кто пережил концлагерь и марш смерти и вернулся домой живым. Передо мной был не ожесточившийся, желчный и сломленный человек, проклинающий жизнь за перенесённые страдания, – нет, наоборот, всё, что он говорил и делал, было исполнено редчайшего спокойствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.